

Энн Жирар Мадам Пикассо

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12864056
Жирар, Энн. Мадам Пикассо: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84600-9

Аннотация

Юная Ева Гуэль устраивается швеей в «Мулен Руж», чтобы вырваться из бедности и начать новую жизнь. Втайне она мечтает выступить на сцене и даже берет для этого яркий псевдоним – Марсель Умбер. Но судьба готовит ей сюрприз. Ева знакомится с Пабло Пикассо, который завоевывает ее в первый же вечер. Девушка надеется стать постоянной спутницей Пикассо, но, говорят, у него уже есть любовница и на ее пути лучше не стоять.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	39
Глава 7	52
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Энн Жирар Мадам Пикассо

Стивену Роберту

Anne Girard

Madame Picasso

Copyright © 2014 by Diane Haeger

© Кирилл Савельев, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Э»,

2015

Часть I

Страсть, честолюбие, искусство

Глава 1

Париж, Франция, май 1911 года

Ева миновала фонтан на площади Пигаль и свернула за угол ровно в половине третьего. Безнадёжно опаздывая, она приподняла подол синего клетчатого платья и пробежала оставшуюся часть пути по оживленному бульвару Клиши, заслоненному сумрачной тенью красной ветряной мельницы «Мулен Руж». Прохожие оборачивались на стройную девушку с раскрасневшимися щеками, широко распахнутыми тревожными голубыми глазами и темно-каштановыми волосами, развевающимися на бегу и цеплявшимися за вишневую ленту на соломенной шляпке, которую она придерживала на голове рукой. Она так торопилась, что под подолом платья были заметны ее длинные, почти до колен, панталоны, но она не обращала на это внимания. Другого такого шанса могло уже не выпасть.

Она проскользнула мимо двух безукоризненных экипажей, соперничавших за пассажиров с автомобилями, и свернула в узкую аллею между галантерейной лавкой и кондитерской, украшенной опрятным навесом в белую и розовую полосы. Да, это был тот самый короткий путь, о котором рассказывала Сильветта, но по булыжной мостовой трудно было бежать быстро. Серые камни, еще не просохшие от утреннего солнца, были скользкими и замшелыми, и дважды девушка едва не упала. Потом она миновала черную маслянистую лужу, забрызгав чулки и черные сапожки на пуговицах, но вот, наконец, она на месте.

– Ты опоздала! – громыхнул голос, как только она остановилась, тяжело дыша и пытаясь собраться с мыслями.

Пожилая костюмерша, выросшая перед ней, казалась угрожающе огромной в арочном проеме задней двери. Костлявые руки мадам Люто со старческими пятнами на кистях упирались в широкие бедра, обтянутые платьем из черного вельвета. Высокий кружевной воротник полностью скрывал ее горло, а кружевные манжеты закрывали запястья. Черты ее широкого лица под грифельно-серым шиньоном искажались от нескрываемого презрения.

Грудь Евы тяжело вздымалась от бега, и она чувствовала, как пылают ее щеки. Всю дорогу она проделала пешком.

– Прощу прощения, мадам! Действительно, я обещала вам быть вовремя, но я очень торопилась! – выпалила она, стараясь перевести дыхание и понимая, что выглядит испуганной.

– Здесь не может быть никаких оправданий, понимаете? Люди платят за представление, и они хотят его увидеть, мадемуазель Умбер. Вы не должны позволять себе задерживаться. А для первого раза это и вовсе не годится, особенно теперь, когда у меня полно дел перед премьерой.

Именно в этот момент Сильветта, делившая комнату с Евой, появилась рядом с ней, она была одета в зеленый костюм с оборками и толстые черные чулки. Ее лицо напоминало кукольное, с большими черными ресницами и вишневыми губами, а волосы цвета древесной коры были сложены в аккуратный узел на затылке.

Должно быть, одна из других девушек рассказала ей о случившемся, поскольку Сильветта даже не успела оставить дома открытую баночку с белой пудрой для лица – так она торопилась выручать Еву.

– Этого больше не случится, мадам! – горячо заверила она и дружески положила руку на узкие плечи Евы.

– К счастью для вас, одна из танцовщиц порвала на репетиции чулки и панталоны, а наша швея как раз куда-то исчезла, иначе я вообще не стала бы тратить на вас время. Все вы, юные девицы с большими глазами, приходите сюда и думаете, что ваши хорошенькие мордашки будут открывать вам двери, пока вы не найдете что-нибудь получше или не подцепите состоятельного господина из публики, чтобы поскорее уйти отсюда.

– Я хорошо работаю. Правда, мадам. И со мной такого больше не случится, – с горячностью ответила Ева, глядя на мадам Люто огромными голубыми глазами. – Мне не нужен мужчина, который станет для меня благодетелем.

Однако мадам Люто не приветствовала наивность, честолюбие или красоту, и отчасти искренний протест Евы остался без внимания. Сегодня утром Сильветта предупредила Еву, что она может потерпеть фиаско и вернуться в их маленькую комнату в Ларуш (получивший свое название из-за того, что дом имел форму улья), если не сможет убедить пожилую женщину в своей искренности. Сильветта проработала здесь уже больше года и до сих пор выступала лишь в двух номерах в кордебалете – иными словами, оставалась лишь безликой фигурой на заднем плане, не имевшей возможности приблизиться к ярким огням рамп.

Между тем три танцовщицы в более пышных костюмах, чем у Сильветты, вошли в дверь, привлеченные громким голосом костюмерши; им явно не терпелось полюбоваться на очередной разнос. Неожиданно воцарилась напряженная тишина, и Ева заметила, что каждая из них оценивающе смотрит на нее, а их хорошенькие накрашенные лица исполнены снисходительности. Одна девушка уперлась руками в бедра и насмешливо приподняла брови; две другие шептались друг с другом. Это сразу же напомнило Еве о жестоких соперницах из Венсенна во времена ее ранней юности – девушках, для которых она тоже была недостаточно хороша. Это стало одной из причин, заставивших ее переехать в большой город.

На мгновение все мысли покинули ее хорошенькую головку, а сердце ухнуло вниз. Если она упустит эту возможность...

Покинув пригород, она рискнула многим, в том числе и неодобрением со стороны своей семьи. Теперь ей хотелось лишь как-то устроить свою жизнь здесь, в Париже, но до сих пор ее устремления ограничивались малым. Ева отвернулась от танцовщиц, когда почувствовала, как к ее глазам подступают слезы. Она не хотела, чтобы девушки заметили ее слабость. Ей было двадцать четыре года, и она не могла позволить себе выплеснуть свои девические чувства на всеобщее обозрение. Продемонстрировать свою уязвимость после неудачного года, прожитого в Париже, было слишком большой оплошностью даже для нее.

– Наверное, не терпится стать танцовщицей, как вот эти? – язвительно поинтересовалась мадам Люто, резким кивком указав на других девушек. – Но они годами работали и тренировались, чтобы попасть сюда, а ты, если и собираешься стать танцовщицей, только впустую тратишь и мое, и свое время.

– Я хорошо умею чинить кружева, – Ева постаралась ответить без запинки.

Это была правда. С самого детства она видела, как ее мать создает замечательные вещи. Некоторые из них она привезла с собой во Францию в качестве фамильного наследства. Мадам Гуэль научила свою дочь шить маленькими, аккуратными стежками, чтобы та всегда могла найти работу и помогать с оплатой счетов после того, как выйдет замуж за добропорядочного местного уроженца и станет вести вполне предсказуемый образ жизни. Во всяком случае, ее родители надеялись на это до тех пор, как их дочь уехала в Париж сразу же после своего двадцать третьего дня рождения. Это была первая возможность получить настоящую работу, ведь деньги у нее уже почти закончились.

Сильветта предпочитала молчать, опасаясь поставить под угрозу собственное непрочное положение, если выступит в поддержку подруги. Она и так помогла Еве – сообщила, что в «Мулен Руж» не хватает швей, потому что из-за частых прыжков и падений танцовщицы то и дело рвали или распарывали те или иные детали своего туалета. Насколько Ева могла понять, как раз сейчас появилась такая потребность.

– Хорошо, я проверю, на что ты способна, – снизошла до ответа мадам Люто. – Но лишь потому, что нахожусь в сложном положении. Пойдем со мной. Посмотрим, как ты починишь нижнюю юбку Аурелии. Постарайся сделать это побыстрее. А потом покажешь мне свою работу, пока остальные будут репетировать.

– Да, мадам, – кивнула Ева. От благодарности у нее закружилась голова, но она совладала с собой и натянуто улыбнулась.

– Ты и правда такая миниатюрная, просто как маленькая нимфа. И, должна признать, не совсем уродина. Еще раз, как тебя зовут? – спросила мадам Люто, словно припомнив реплику Сильветты.

– Марсель. Марсель Умбер, – ответила Ева, призвав на помощь все свое мужество, чтобы произнести новое, парижское имя, которое, как она надеялась, принесет ей удачу.

Сразу же после прибытия в город со всеми пожитками, умещавшимися в старой ковровой сумке, в большом, не по размеру, холщовом плаще и черной фетровой шляпе, Ева Гуэль была настроена весьма решительно. Она твердо намеревалась каким-то образом покорить Париж, несмотря на иллюзорность столь высоких упований. Возможно, эта первая работа будет началом чего-то удивительного. В конце концов, думала Ева, в мире случались и более странные вещи.

Мадам Люто вздернула подбородок, упиравшийся в черный кружевной воротник, повернулась и сделала несколько шагов к открытой двери сцены, жестом пригласив Еву следовать за ней. Именно тогда девушка увидела первый проблеск тайной мечты – интерьер знаменитого кабаре «Мулен Руж».

Стены за дверью были выкрашены в черный цвет, с золотыми цветочными узорами и завитушками. Тяжелые красные бархатные портьеры свисали вдоль стен, так что помещение напоминало чудесную экзотическую пещеру. Ева вступила в неведомый и соблазнительный мир, и в тот момент ее сердце гулко стучало в груди не только от восторга, но и от страха.

Она старалась не слишком отвлекаться на происходящее вокруг, пока следовала за мадам Люто, и держала руки за спиной. Ева была слишком взволнована и боялась, что в таком состоянии не сможет продеть нитку в иголку.

Помещение за сценой было сумрачным, хотя в него и проникал дневной свет. Ева различала запахи пролитого алкоголя и старых духов. Ей показалось, что обстановка выглядит немного угрожающе, но от этого становилось еще интереснее. По мере того как танцовщицы в костюмах проходили мимо, устремляясь на сцену и возвращаясь обратно, она начала узнавать их лица благодаря афишам, расклеенным по всему городу. Вот Маришка, мастерица балетной пантомимы, главная танцовщица Мадо Минти и очаровательная комедиантка Луиза Балти, исполнявшая роли Негритянки и Тирольской куколки Каролины. А вот и дрессировщик Романус, мсье Тул со своими комическими куплетами и труппа испанских танцоров в коротких красных жакетах-болеро и черных шляпах с бахромой.

Ева не представляла, что она будет делать, если окажется рядом с одним из этих прославленных исполнителей, а тем более познакомится с ними. Эта перспектива была пугающей и одновременно восхитительной.

Что, если мадам Люто откажет ей сейчас, когда она уже на пороге успеха? Что, если она будет вынуждена вернуться в пригород? Нет, она этого не допустит. Она не вернется в Венсенн. Но если Ева останется без работы в Париже, то надеяться будет уже не на что. В

таким случае предложение Луи стать ее любовником и позаботиться о ней может остаться единственным выходом из положения.

Бедный Луи. Он был ее вторым другом в Париже. Их познакомила Сильветта. Поскольку он был поляком, как и мать Евы, и все они жили в Ларуш, их дружба быстро окрепла, и они стали неразлучны.

Ева виделась сегодня с Луи, а потом ей пришлось отлучиться на собеседование в «Мулен Руж». Перед уходом она придумала слабое оправдание, и вернулась, якобы забыв взять с собой что-то важное. Он стоял с папкой акварелей перед дверью магазина Воллара и едва заметил ее из-за беспокойства о собственной судьбоносной встрече. Амбруаз Воллар был знаменитым галеристом, чья резиденция находилась на крутом подъеме булыжной мостовой улицы Лаффит. После нескольких обращений он наконец согласился посмотреть на работы Луи.

Луи, которого на самом деле звали Лодвицем, учился в Юлианской академии, рисуя по вечерам и продавая шаржи для публикации в журнале «Парижская жизнь»¹, чтобы иметь возможность платить за арендованное жилье. К сожалению, его замечательные акварели в импрессионистском стиле совсем не продавались, в отличие от шаржей и карикатур, и Луи сильно переживал из-за этого.

В прошлом году Луи ссужал Еву деньгами и регулярно оплачивал ее обеды. Она не желала видеть его своим любовником, но ей не хотелось и отказываться от него. Преданность значила для нее очень многое, если не все.

Теперь же Ева стояла перед мадам Люто в костюмерном помещении за сценой, пока та изучала заштопанный ею подол.

– Такая тонкая работа, что я даже не могу различить стежки! – воскликнула она со смесью восхищения и раздраженного удивления. – Можешь приступить к своим обязанностям с этого вечера. Приходи в шесть часов, и ни секундой позже. На этот раз не опаздывай.

– Спасибо, мадам. – Ева позволила себе лишь скромный намек на уверенность в голосе. Несколько театральных техников и рабочих сцены прошли мимо, беседуя друг с другом.

– Во время представления ты будешь оставаться за кулисами. Сильветта покажет место, где ты не будешь никому мешать. Если одной из танцовщиц понадобится починить костюм, у тебя будут считанные секунды, чтобы сделать свою работу: заштопать подол, пришить пуговицу, манжету или воротничок. Никаких задержек, понятно? Зрители щедро платят не для того, чтобы видеть рваные костюмы танцовщиц, но им совсем не нравятся паузы между актами.

Потом мадам Люто наклонилась поближе и прошептала:

– Видишь ли, наша очаровательная комедиантка мадемуазель Балти немного набрала вес в последнее время. Мы, конечно, затягиваем потуже ее корсет, но она должна быть уверена, что ее панталоны не разойдутся по швам во время одного из «случайных» падений, – она хитро улыбнулась и подмигнула.

Минуту спустя Ева снова оказалась в темной аллее, впервые в жизни ощущая полный восторг победы. Когда она спешила обратно на улицу Лаффит, чтобы встретиться с Луи, то подумала, что это ощущение немного похоже на полет.

Ева поднялась по склону холма на фуникулере и как можно быстрее вернулась к магазину мсье Воллара. В последние месяцы своего пребывания в Париже она была особенно рада знакомству с Луи, он понимал ее без всяких парижских условностей. Девушка ценила их дружбу и не хотела ставить ее под угрозу, особенно в такой важный момент.

---

¹ «La vie parisienne» – еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в Париже с 1863 до 1970 года. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

Луи был ей как брат, хотя Ева знала, что он хочет быть больше, чем братом. Но они были слишком похожи друг на друга – вряд ли это помогло бы им в близких отношениях. Луи был добрым и надежным человеком, а после переезда в Париж Ева нуждалась в этом гораздо больше, чем в романтике.

Бедный Луи, высокий и бледный, со светло-голубыми глазами, живущий в тени заветных мечтаний Евы... Он так и не избавился от сильного польского акцента и не стремился усвоить городской стиль Парижа, впрочем, как и она. Луи по-прежнему аккуратно вошил кончики светлых усов и нахлобучивал громоздкий цилиндр, когда выходил на улицу, а его любимая визитка на одной пуговице и двухцветные ботинки вышли из моды десять лет назад.

Тем не менее именно Луи придумал для нее имя Марсель, и она была ему благодарна, поскольку это имя явно приносило удачу. За бокалом вина в маленькой пивной «Шустрый кролик», уютно примостившейся на маленьком холме на Монмартре, Луи шутливо провозгласил ее настоящей парижанкой, нареченной теперь истинно французским именем.

Тогда Ева посмеялась над этим, но имя сразу же ей понравилось. От него будто веяло свободой и отрешенностью, оно было исполнено восхитительной силой. Марсель удавалось создавать вокруг себя атмосферу, недоступную для Евы. Ева была благоразумной и робкой; Марсель же – беззаботной и уверенной в себе, даже немного соблазнительной. Она мастерски владела певучим городским говором и вносила в свой гардероб маленькие штрихи, отражавшие некоторые новомодные веяния, например, юбки до середины икры и высокие пояса.

Луи сказал, что ее нос похож на маленькую кнопку, вздернутую на конце. Ева знала, что ее большие голубые глаза с длинными темными ресницами выглядят очень привлекательно. Она была маленькой и стройной, и Луи говорил, что она производит впечатление очаровательной невинности. Но Ева вовсе не чувствовала себя невинной. Внутри она ощущала себя как бочонок с порохом, ожидающий испытания жизнью.

Она жаждала стать частью новой блестящей парижской эпохи, где царствовали «Мулен Руж» и «Фоли-Бержер». Знаменитые Сара Бернар и Айседора Дункан собирали огромные толпы неподалеку от площади Трокадеро, а два года назад известная танцовщица Колетт так страстно поцеловала другую женщину на сцене, что это едва не вызвало бунт. Ах, только бы увидеть это! Несомненно, Париж был живым существом, наполненным самоуверенными молодыми художниками, писателями и танцовщицами, которые не меньше ее хотели оставить свой след в истории.

Все читали Мопассана и Рембо, увлекаясь их натуралистичными жизнеописаниями, или же погружались в радикальные сочинения молодых парижских поэтов – Макса Жакоба и Гийома Аполлинера. Ева безумно любила стихи Аполлинера за смелость и бескомпромиссность, что было вполне оправданно для консервативной девушки из пригорода. Фрагмент его стихотворения «Цыганка» долго будоражил ее грезы о бурной и безумной жизни в Париже.

Знают люди, что время их судит.
Но надежда любить по пути
Нам позволила руки сплести.
Что сулила цыганка, то будет.

Несмотря на крутой подъем к Монмартру, Ева легко пробежала мимо ряда маленьких лавок на улице Лаффит, и когда она появилась у магазина Воллара, то сияла, как ребенок. Луи увидел ее через окно парадной витрины. Колокольчик мелодично звякнул, когда он открыл дверь и вышел на улицу.

– Моя встреча уже закончилась, и я даже не успел представить тебя в качестве счастливого талисмана. Ты знаешь, как много это значило для меня. Но какого же черта ты убежала?

– Я нашла себе настоящую работу! Пока лишь белошвейкой, но это уже что-то. Мне хотелось удивить тебя.

Досадное непонимание мгновенно рассеялось, когда он обхватил ее за плечи длинными тонкими руками и закружил так, что клетчатая юбка вздулась колоколом за ее спиной.

– О, я знал, что ты в конце концов что-нибудь найдешь!

Когда Луи отпустил Еву, он привлек ее к себе и тесно прижал к костлявой груди. Но юноша тут же опустил руки и отступил назад, вспомнив о границах их дружбы. Его бледные щеки залились румянцем.

– Это замечательная новость. Так получилось, что у меня тоже есть сюрприз для тебя, и мы должны отпраздновать удачу! – Луи улыбнулся, обнажив неровные желтые зубы, и помахал конвертом. – У меня есть два билета в салон Общества независимых художников на завтрашний вечер, – с гордостью добавил он.

– Как ты умудрился их достать? Весь Париж туда стремится!

Заветные билеты было почти невозможно найти. Ева была слишком бедной и недостаточно образованной, чтобы участвовать в большей части парижских светских мероприятий, которые оставались лишь фантазией, смутным представлением о светской жизни, бурлившей где-то рядом. Хотя ее не слишком радовала перспектива провести целый вечер вместе с Луи, зато появилась возможность посетить знаменитый салон. Это была одна из главных ежегодных художественных выставок, и молодые живописцы соперничали друг с другом за участие в ней наряду с признанными мастерами, которые уже сделали себе имя. Любой уважающий себя парижанин непременно должен был побывать там.

– Мой шеф из газеты достал билеты для своей жены. Но, как выяснилось, некоторые художники оказались слишком вульгарны для ее утонченного вкуса.

Ева ухмыльнулась. Сильветта будет жутко завидовать ей, да что там Сильветта – и все остальные в «Мулен Руж». Она просто не могла отказаться от этого предложения.

Они прошли по аллее, змеившейся вокруг дальней оконечности Монмартра, минуя дома с серыми шиферными крышами и облупившейся краской на стенах. Сгущался туман. Радостно шагая бок о бок, они миновали лоток, заставленный коробками со свежими фруктами и овощами. Нежные запахи смешивались с ароматом свежеиспеченного хлеба, доносившимся из соседней булочной. Ева посмотрела на Мулен де ла Галетт². Да, на Монмартре повсюду можно было видеть живописные ветряные мельницы и тайные аллеи, где укрывались танцевальные залы и бордели этого богемного района, делившие место с виноградниками, садами и стадами коз и овец. На другой стороне находилась площадь Равиньян, которая стала довольно известной благодаря многочисленным художникам и поэтам, жившим и работавшим в обветшавшем старом здании под названием Бато-Лавуар.

Ева передернула плечами, стараясь отогнать восторженное предчувствие.

– Может быть, зайдем в «Розовый дом» и немного отметим наши успехи, прежде чем идти домой? – спросил Луи. – А потом, возможно, ты подаришь мне маленький поцелуй?

– Мы уже обсуждали это. А теперь вообще пора отказаться от подобных мыслей, – Ева рассмеялась, чтобы смягчить резкость своих слов, пусть даже произнесенных нежным тоном.

– По крайней мере, ты можешь стать моей музой, если не любовницей, – улыбнулся юноша. Ничто, даже отказ Евы, не могло испортить впечатления от двух личных побед, одержанных сегодня молодым художником. – Мне нужна муза, потому что сегодня Воллар наконец купил одну из моих картин. Это еще один большой сюрприз.

– Прекрасно! – воскликнула Ева. – Тогда тебе лучше подойдет французская муза, а не польская, – добавила она с лукавой улыбкой.

---

² Мулен де ла Галетт – ветряная мельница, расположенная в верхней части парижского района Монмартр.

– Tak, piękna dziewczyno, – ответил он по-польски. (*Да, красавица.*) – Французская муза... она нужна каждому хорошему художнику для вдохновения.

Вечером «Мулен Руж» выглядел совсем другим миром по сравнению с тем, который Ева видела раньше: блеск ярких огней, сильный запах духов и грима, оживленный гул и ропот. Было восхитительно даже находиться в небольшом алькове за кулисами.

Стараясь держаться в стороне от рабочих сцены и актеров, носившихся туда-сюда мимо вешалок с костюмами, Ева стояла за кулисами с широко распахнутыми глазами. Она была поражена пестрой толпой участников представления, болтавших, перешептывавшихся и сплетничавших друг с другом. Многие пили вино, чтобы избавиться от лишнего волнения, о чем они сами заявляли с деланным смехом.

Ева обратила внимание, что их яркие костюмы с близкого расстояния кажутся удивительно вульгарными. Они явно были изготовлены из дешевых материалов и плохо пошиты. Мать уже давно научила ее отличать хорошую работу от плохой. Вблизи она могла разглядеть заплатки и неровные швы, засаленные воротники и грязные чулки. Это было разочарованием, но восторг от пребывания в этом волшебном месте все равно брал верх. Здесь все было таким удивительным и волнующим!

Ева пыталась быть незаметной, ожидая вызова. Она сцепила руки, чтобы унять дрожь, но сердце громко стучало в груди. Она узнавала всех актрис и танцовщиц. Мадо Минти первой проскользнула мимо нее в костюме из изумрудной тафты с раздутыми бедрами, зауженной талией и туго зашнурованным корсажем. Напротив, возле вешалки с шляпами и головными уборами, стояла знаменитая комедиантка Луиза Балти с характерным длинным лицом и темными глазами. Она ела пирожное.

Как и предсказала мадам Люто, Еву несколько раз вызвали во время представления, чтобы поработать с иглой и нитью. Внезапно она почувствовала, как кто-то споткнулся о ее ногу.

– Эй, что ты себе позволяешь! Или не знаешь, кто я такая?

Ева вздрогнула при звуках резкого голоса, когда поняла, что слова обращены к ней. Она оторвалась от корзинки с шитьем и увидела красивую женщину в элегантном костюме с большим количеством мелких деталей. Женщина выглядела точно так же, как на афишах, и Ева узнала бы ее где угодно. Это была Мистангет, нынешняя звезда «Мулен Руж».

– Я... мне очень жаль, – пробормотала Ева, пока высокая, с роскошными формами актриса продолжала сердито смотреть на нее.

– Где только находят таких дурочек? – молодая женщина фыркнула, выпрямилась и смахнула воображаемую пушинку со своего корсажа.

– Две минуты, Мистангет! Две минуты до вашего следующего выхода! – крикнул кто-то.

– Сильветта! Куда ты запропастилась?

Несколько человек обернулись на ее пронзительный голос, а мгновение спустя подруга Евы выбежала вперед. Она еще не закончила переодеваться, но держала в руке бокал с темно-красным вином.

– Извините, мадемуазель, я как раз заканчивала...

– Мне не нужно знать, что ты там заканчивала.

Ева не шевелилась и молча наблюдала за хамским обращением примы к своей подруге, которая, впрочем, сохраняла вполне невозмутимое выражение лица. Когда гнев звезды угас, Ева опустила глаза и вернулась к работе с иглой и нитью.

Представление продолжалось, и девушка продолжала чинить костюмы. Оторванный рукав, отвалившаяся пуговица. В итоге именно Мистангет, а не Луиза Балти, порвала свои

панталоны, когда высоко выбросила ногу. Она выбежала со сцены и гневно уставилась на Еву.

– На что ты смотришь?

Неожиданный вопрос повис между ними, как обвинение. О Господи, она же вроде бы никуда не смотрела! Мистангет продолжала сверлить ее взглядом, когда юная ассистентка протянула руку, чтобы актриса могла снять панталоны через черные туфли со шнуровкой.

– Прошу прощения, я всего лишь ждала, – тихо ответила Ева.

– Чего ждала?

– Ваши панталоны, мадемуазель. Я должна починить их.

– Ты? Раньше я тебя здесь не видела!

– Возможно, я недавно работаю здесь, мадемуазель, но я опытная швея.

Темно-карие глаза Мистангет опасно расширились.

– Ты смеешься надо мной?

– Конечно же нет, мадемуазель Мистангет.

Ева ощущала на себе тяжелые взгляды других актрис в красочных костюмах и роскошных головных уборах, когда они проходили мимо нее. Впрочем, они хорошо знали, что лучше не останавливаться, когда темпераментная звезда выходит из себя.

– Смотри, не вздумай мне перечить! – Мистангет резко отвернулась. – И давай побыстрее, у меня большой номер во втором акте.

Ева на мгновение подумала, что она может зашить панталоны кое-как, чтобы они разошлись по шву сразу же после следующего выхода на сцену. Но она быстро отказалась от этой коварной тактики. Ей была слишком нужна эта работа, так что с возмездием можно было помедлить.

Когда кризис миновал, Мистангет ушла с высоким блондином с длинными густыми волосами, волнами ниспадавшими ему на плечи.

– Кто это? – спросила Ева Сильветту, дожидавшуюся своего второго номера.

– Его зовут Морис Шевалье. Он танцует с ней танго в конце второго акта, но определенно получил эту работу не из-за своих талантов, – она подмигнула, и Ева с трудом удержалась от улыбки.

Так много всего интересного происходило в этом прекрасном месте! Столько выступлений, столько номеров, столько громких имен, которые нужно запомнить. Пока что Еве удавалось держать себя в руках. Все мелкие неприятности с костюмами исправлялись в должное время.

Когда артисты собрались за кулисами, чтобы отдохнуть во время антракта, Ева осмелилась выглянуть наружу из-за тяжелого бархатного занавеса.

Ее сердце заколотилось в груди, когда она увидела огромный зал, заполненный людьми. Она смотрела на море шляпок с шелковыми лентами, жестких цилиндров и мягких фетровых шляп. В зале не было ни одного пустого места.

Пока Ева рассматривала элегантно одетых мужчин, ее взгляд привлекла группа элегантных темноволосых молодых людей экзотической внешности, одетых в одежду разных оттенков черного и серого цветов. Они сидели за столиком перед самой сценой, который был заставлен бутылками вина и виски с разнообразными бокалами. Судя по оживленной беседе, они говорили по-испански. Они сидели в расслабленных позах, периодически шептались, много пили и, словно нашкодившие дети, старались вести себя прилично, когда представление возобновлялось. От них исходил горячий дух мятежности.

Но один из мужчин ярко выделялся даже на фоне остальных. Он производил очень сильное впечатление: длинные, спутанные угольно-черные волосы, то и дело спадавшие на черные глаза, пронзительно сверкающие из-под челки. Он был крепко сбитым, с широкими плечами, и носил плотные бежевые брюки и мятую бежевую рубашку с рукавами, закатан-

ными до локтей и обнажавшими смуглые мускулистые руки. Его пиджак висел на спинке стула. Он был невероятно привлекательным.

Несомненно, это был какой-то важный человек, поскольку он сидел перед самой сценой. Когда Ева отвернулась от занавеса, то подумала, как интересно, что рядом с ним нет красивой женщины. Человек, обладавший столь мощной чувственной аурой и таким пронизывающим взглядом, непременно должен иметь жену или, по крайней мере, любовницу.

Ева уже почти решила спросить Сильветту, знает ли она, кто это такой, но неожиданно звуки оркестровой музыки возвестили о начале второй части представления, и она услышала голос мадам Люто: она звала ее. С посторонними мыслями придется подождать до конца рабочего дня, а Ева была уверена, что добьется успеха на этой работе.

Глава 2

Он стоял перед мольбертом с кистью в руке, босиком и без рубашки, оставшись лишь в бежевых брюках, завернутых до лодыжек и забрызганных краской. Утренний свет вливался в студию художника на верхнем этаже обветшавшего дома Бато-Лавуар. Мольберт располагался перед окном, выходящим на виноградник и склон холма, где паслись овцы. За ним расстилалась широкая равнина с серыми шиферными крышами домов, утыканных каминными трубами.

На холодном кафельном полу маленькой студии царил беспорядок: тряпки, банки с красками, кисти. Оштукатуренные стены были покрыты рисунками. Здесь Пабло Пикассо чувствовал себя кем-то гораздо более значительным, чем просто художник. Здесь он являл собой великого испанского матадора, а влажный холст был быком, которого предстояло усмирить.

Сама его живопись воплощала искусство соблазнения и подчинения.

Теперь, когда личные мысли были отодвинуты в сторону, на холсте, наконец, отразились его усилия. Как только Пикассо понял, что одержал верх, он успокоился. Картина открылась перед ним, как любовница, и овладела им, как чувственная женщина. Эти сравнения всегда присутствовали в его разуме. Работа, бросающая ему вызов и сдававшаяся на его милость, становилась его самой экзотичной любовницей.

Пятна краски остались на его штанах, завитках темных волос на груди, руках и подошвах ног. Одна алая полоса наискось пересекала его щеку, а другая запуталась в длинной гриве черных волос.

В этот ранний час в студии царила тишина, и все вокруг казалось погруженным в легкую дымку. Пикассо любил и ценил такие моменты. Он посмотрел на влажное полотно, на кубы и линии, говорившие с ним, словно стихи. Однако тишина наводила его на мысли и о других вещах.

Фернанда опять слишком много выпила после очередной ссоры, поэтому ему пришлось отправиться в «Мулен Руж» и обратиться за утешением к предсказуемой компании своих испанских приятелей. Растущая парижская слава немного облегчала его беспокойство, но он знал, что после сегодняшней ночи Фернанда будет дома, в их новой квартире, а вчера вечером он был слишком рассержен для того, чтобы возвратиться к ней. Поэтому он пришел в свою студию.

Пикассо любил Фернанду и не сомневался в своих чувствах. До него ей выпала непростая жизнь вместе с грубым мужем, от которого она сбежала и с которым даже теперь боялась развестись, и Пикассо всегда испытывал непреодолимую потребность защищать ее хотя бы поэтому. Они вместе пережили голодные годы, когда он был неизвестным художником, борющимся за выживание в Париже, и это укрепило их связь, несмотря на взаимное нежелание становиться мужем и женой.

Однако в последнее время он начал сомневаться, что таких неофициальных отношений было достаточно для них, тем более, что неопределенность в личной жизни распространилась и на многое другое. В преддверии своего тридцатого дня рождения он остро ощущал, что ему чего-то не хватает. Возможно, это чувство относилось только к нему самому.

Пикассо окунул маленькую кисть в баночку с желтой краской. За грязными окнами уже сияло солнце. Он на мгновение сосредоточился на пасущихся овцах, которые делали этот уголок Монмартра похожим на сельский луг. Внезапно он подумал о Барселоне, где осталась мать, постоянно беспокоившаяся за него.

Мысли о семье и о простом детском счастье разматывались, словно клубок, перед его мысленным взором. Он думал о своей младшей сестре Кончите, о ее широко распахнутых

голубых глазах и очаровательной невинности. Даже после всех этих лет в Париже Пикассо сильно тосковал о ней, но отгонял воспоминания усилием воли и заставлял себя думать о чем-то другом. Он не мог изменить произошедшего. Любые попытки что-то изменить в своей жизни причиняли ему боль, омраченную гнетущим чувством вины.

Стук в дверь окончательно развеял воспоминания, отступившие в дальний уголок его разума. Дверь распахнулась, и двое молодых людей ввалились в студию. Это были его добрые друзья, Гийом Аполлинер и Макс Жакоб. Они смеялись, по-братски обнимая друг друга за плечи, и от них разлило спиртным.

– Вот чего стоят обещания Пабло, – заплетаящимся языком произнес Аполлинер и обвел комнату широким жестом. – Вчера вечером ты обещал встретиться с нами в «Шустром кролике» после представления в «Мулен Руж».

– Я много чего говорю, амиго, – проворчал Пикассо и вернулся к своей картине. Но даже раздосадованный этим неожиданным вторжением, он был рад, что пришли его друзья, а не Фернанда.

Пикассо любил этих неприкаянных поэтов, как собственных братьев. Они поддерживали его интерес к разным идеям, к поэзии и философии – ко всему, что привлекало его в живописи. Они беседовали, напивались, жарко спорили и испытывали глубокое доверие друг к другу, которое Пикассо особенно ценил теперь, когда перед ним забрезжили первые проблески настоящей славы. Сейчас он был не вполне уверен, на кого из друзей можно положиться и кто любит его такого, как он есть. Но Макс Жакоб и Гийом Аполлинер были выше любых подозрений.

Макс был небольшого роста, аккуратный, начитанный и необыкновенно остроумный сын портного из Кемпера. Он стал первым другом Пикассо в Париже. Той зимой, десять лет назад, Пикассо находился в таком отчаянном положении, что ему пришлось использовать собственные картины в качестве топлива, чтобы хоть как-то согреться. Макс дал ему койку для сна, и они поочередно делили узкую кровать, договорившись о восьмичасовых сменах. Макс спал по ночам, пока художник работал, а Пикассо отсыпался днем. Юный литератор мало что мог предложить, но всегда делился с другом тем, что имел.

Раньше считалось, что Макс опережает Аполлинера в полете фантазии, но теперь это было не так. Пристрастие Макса к опиуму и эфиру поставило его в невыгодное положение по сравнению с умным и обаятельным Гийомом Аполлинером, который заправлял распорядком их светской жизни.

– Где твой виски? – спросил Макс.

– У меня его нет, – фыркнул Пикассо.

– Фернанда все выпила? – поинтересовался Аполлинер.

– В общем-то, да.

– Святые яйца, но как это может быть? – воскликнул Макс. – Она редко приходит сюда после того, как ты поселил ее в шикарную квартиру на бульваре Клиши, и мы об этом знаем.

– Так вот, вчера она пришла. Мы поссорились, и она выпила виски, потому что у меня не было вина, – ответил Пикассо по-французски, но с сильным андалузским акцентом, выдававшим его происхождение. Все говорили, что его французский ужасен из-за неправильного употребления времен и глаголов, но это его не беспокоило.

– Ага, – нейтральным тоном протянул Аполлинер и легко прикоснулся длинным пальцем к холсту с еще влажной краской. Он не всегда верил историям Пикассо. – Это многое объясняет.

– Ну, что бы она ни сделала, ты простишь ее, – сказал Макс. – Ты всегда так поступаешь.

Пикассо ощутил приступ беспокойства, сжавший его грудь, как тугой узел. Это стало похоже на бег по кругу без возможности свернуть в сторону. Лучше заняться рабо-

той и ни о чем не думать. О Фернанде, о тщете любых чувств и о неумном безрассудстве, все сильнее вторгавшемся в его сердце с каждым следующим днем. Он должен похоронить это чувство так же, как мысли о своей сестре и ее смерти.

Макс осмотрелся по сторонам и оценил новые холсты художника. Он помедлил у двух голов, грубо высеченных из иберийского камня и стоявших перед занавеской, скрывавшей узкую постель художника.

– Ты по-прежнему хранишь их?

– Почему бы и нет? Это подарок, – Пикассо покосился на антикварные бюсты, которые он использовал в этюдах для некоторых своих работ.

– Довольно необычный подарок, – сухо заметил Макс. – Они всегда казались мне похожими на музейные экспонаты.

Он провел пальцем по горлу одного бюста и прикоснулся к голове другого.

– И где только находят подобные вещи?

– Откуда мне знать? – отозвался Аполлинер. – Я получил их от своего секретаря, который пытался подкупить меня, чтобы я представил его моим знакомым в Париже. Очевидно, он думал, что они произведут на меня сильное впечатление. Я подарил Пабло пару штук, только и всего. У меня нет привычки спрашивать, откуда появляются подарки.

– Или женщины, – добавил Макс с пьяной ухмылкой, довольный своей остротой. – Тем не менее они откуда-то берутся для нашего дорогого Пикассо, и в весьма щедром количестве.

– Вы оба закончили? – проворчал Пикассо, когда непокорная прядь черных волос упала ему на глаза.

– Послушай, а *это* что такое? – спросил Аполлинер, чтобы сменить тему. Он смотрел на влажный холст на мольберте Пикассо.

Художник закатил глаза.

– Почему искусство всегда должно быть *чем-то*? – резко спросил он.

– Вон тот круг напоминает виолончель, – шутливо заметил Макс. Он потеревил аккуратную бородку большим и указательным пальцами и обменялся взглядами с Аполлинером.

– Мне это больше напоминает женскую задницу, – отозвался Аполлинер с озорной улыбкой, приподнявшей кончики губ.

– Но на самом деле это не значит, что ты видел хотя бы одну, мой друг Апо, – сострил Макс, воспользовавшись уменьшительным прозвищем, которым они называли Аполлинера.

– Ну, ты-то уж точно не видел!

– Вы когда-нибудь *чувствуете* вещи, когда смотрите на картину, или просто видите ее глазами? – спросил Пикассо, недовольный тем, что его покой оказался нарушенным в этот священный час, и раздраженный насмешками над своей работой. – *Dios mio*³, иногда мне кажется, что меня окружает толпа идиотов!

– Я вот что-то не совсем понимаю... – признался Аполлинер, сделавший вид, что продолжает изучать картину. – Пабло, твой разум – это великая загадка.

– А я испытываю жажду, даже когда говорю об этом. Может быть, пойдём выпьем? – предложил Макс.

– Еще даже не полдень, – отрезал Пикассо.

– Утро – прекрасное время для пива. Оно задает правильный настрой на весь день, – сказал Аполлинер, нависая над друзьями, как дружелюбный великан с покатыми плечами.

– Вы можете идти, а я собираюсь еще немного поработать, а потом поспать, – Пикассо кивнул в сторону небольшой железной кровати в углу студии. Она была накрыта яблочно-зеленым одеялом с бахромой и вышитыми красными розами, которое его мать прислала из Испании.

---

³ Боже мой (*исп.*).

– Поспать здесь? – с ноткой удивления спросил Макс, поскольку Пикассо уже давно оставил позади свои голодные годы на Монмартре. У него не было причин проводить больше времени в обветшавшем холодном доме, чем требовалось для работы. – А как же *la belle Fernande*⁴ в ее уютной квартире?

– У нас с Фернандой все будет в порядке, – заверил Пикассо, взял кисть и отвернулся от них. – Давайте, отправляйтесь. Увидимся в субботу вечером у Гертруды, как обычно, – добавил он и начал размешивать краску.

Пикассо действительно с нетерпением ожидал субботние вечерние салоны у Гертруды Стайн, проходившие каждую неделю. Ему нравились юные умы и интеллектуальные беседы с самой Гертрудой, которая всегда была открыта для дискуссий. Она бросала ему вызов. Она заставляла его думать и ставила под сомнение любую общественную норму, которая считалась аксиомой. Эта женщина воплощала настоящую силу природы! Если бы только она привлекала его физически...

– Дайте мне, наконец, поработать!

– Ты не забыл? Ты обещал, что завтра придешь на чтения Апо в Салоне независимых художников, – шепотом напомнил Макс, когда они направились к двери.

– Я не забыл, – отозвался Пикассо.

На самом деле он совершенно забыл об этом.

...В какой-то момент, пока ее глаза были еще закрыты и сонный туман только-только начал рассеиваться, Фернанда увидела своего мужа, человека, который бил ее. Она в панике открыла глаза, но перед ней сидела лишь маленькая коричневая обезьянка-капуцин, одетая в красивую красную курточку с шейным галстуком, пришитым к лацканам. Зверек наблюдал за ней бусинками черных глаз, а Пикассо, улыбаясь, возвышался за ней.

– Обезьянка из кафе? – спросила Фернанда, пытаясь понять причину появления маленького существа, которое теперь сидело у нее на груди и деловито умывалось. Момент казался абсурдным, особенно из-за отголосков кошмара, все еще маячившего на границе ее сознания.

– Я купил ее по дороге домой из студии сегодня утром. Согласен, это довольно необычно, но лучше пусть она будет здесь, в нашем маленьком зверинце, чем терпеть такое обращение с собой.

Фернанда обвела взглядом их лохматую собаку Фрику, помесь огромной пастушеской овчарки, сиамского кота Бижу и белую мышь, которую они держали в деревянной клетке у окна. Да, это становилось похоже на зверинец.

Она села, и одеяло упало с ее обнаженной груди. Ее длинные темно-рыжие волосы рассыпались по плечам, контрастируя с зелеными глазами. Зверек ловко перескочил с кровати на туалетный столик, потом спрыгнул на пол.

– Но обезьянка, Пабло!

Он опустил на край кровати рядом с ней.

– Ее били и обижали. Ты же меня знаешь; я не мог не прийти на помощь. У меня было слишком мало денег, поэтому я сделал эскиз для шарманщика, и он был только рад такому обмену.

Яркий свет утреннего солнца затопил квартиру, и Фернанда посмотрела на всех спящих животных, которых Пикассо непременно хотел обогодетельствовать.

– Кроме того, это выгодное капиталовложение, – продолжал он. – Я могу использовать ее в своей студии для новых этюдов. Обезьяны символизировали живопись в Средние века, так что она может оказаться полезной.

---

⁴ Красавица Фернанда (*исп.*).

– Если не будет портить полы и мебель, – Фернанда вздохнула, когда маленькое существо оставило лужицу на ковре и побежало к секретеру.

Пикассо достал кусочек круассана из кармана пиджака и протянул обезьянке. Бижу и Фрика вместе лежали на коврике и с легким интересом наблюдали за происходящим.

Фернанда снова вздохнула и наконец выбралась из постели, чтобы одеться. Нежность больше всего привлекала ее в характере Пикассо. Возможно, если она будет достаточно сильно любить его, Бог однажды наградит их настоящим ребенком. Она знала, что ему больше всего хочется иметь такую же семью, какая была у него в детстве в Барселоне.

Когда она надела сорочку и застегнула поверх нее блузку, то увидела, как его глаза сузились. Заглянув за подушку, он обнаружил карандашный эскиз, для которого она позировала вчера, пока он был на Монмартре. Она знала, как Пикассо относится к ее позированию для других художников, но все равно пошла на это. Дни в ее уютной квартире тянулись долго, и Пикассо был не единственным, кто заслуживал славы. Его успехи начинали тяготить ее.

– Что это такое?

– Ты знаешь, что это такое.

Она понимала, что он сразу же узнал стиль.

– Ты позировала для Ван Донгена?

– Пабло, будь благоразумен. Большую часть времени тебя нет дома, а Кеес – один из наших старых друзей. Ради бога, ты же знаешь его жену и маленькую дочь!

– Тем не менее он мужчина, а ты позировала ему обнаженная, – Пикассо двинулся к ней через комнату, пока она застегивала длинную черную юбку, схватил ее запястья и с силой привлек к себе. В этом жесте читалось какое-то абстрактное отчаяние. – Разве я не дал тебе все, о чем ты просила? Эта квартира, модная одежда, гардероб, набитый шляпами, туфлями и перчатками, свободный вход в любой парижский ресторан – все ради того, чтобы тебе больше не приходилось заниматься этой унижительной работой!

– Для меня это не работа, а проявление свободы.

Тяжелое молчание повисло между ними. Фернанда выпятила нижнюю губу, а ее зеленые глаза обиженно распахнулись.

– Значит, сегодня мы снова поссоримся? – спросила она.

– Это разногласие, не более того. Боюсь, мы слишком часто ссоримся, – Пикассо поцеловал ее в щеку и отпустил ее руки. Потом он обнял ее и снова привлек к себе. «Он хороший соблазнитель», – подумала Фернанда, стараясь не вспоминать об ошеломительном количестве женщин, на которых он оттачивал свое мастерство. Она умела манипулировать другими людьми, но оба знали, что он делал это лучше.

Он приподнял ее подбородок большим пальцем, чтобы она не могла отвести взгляд.

– Да, мы всегда миримся, и это приятнее всего.

Было трудно сопротивляться его напору, особенно сейчас, когда она чувствовала, как желание овладевает ею. Она хотела оказаться в большой теплой постели вместе с ним, несмотря на то что в их отношениях появился элемент предсказуемости. В конце концов, они любили друг друга, и этого для нее было достаточно. Раньше этого всегда было достаточно и для него.

– Я хочу, чтобы ты сказала Ван Донгену, что ты не можешь позировать для его картин.

– Ты не доверяешь мне?

– Это не вопрос доверия.

Фернанда услышала внезапную резкость в голосе Пабло и гадала о том, как много ему известно о том, чем она занималась в те долгие часы, пока он работал на Монмартре.

– Разумеется, все дело в доверии.

– Я не говорю о своих попытках защитить тебя все эти годы после того, что твой муж делал с тобой. Ты заслуживала гораздо лучшего обращения.

Фернанда едва не ответила, что не заслуживала места на таком высоком пьедестале, куда он вознес ее пять лет назад. Но она не могла заставить себя сделать это, поскольку какая-то часть ее существа еще нуждалась в его обожании. Вместо этого она прижала ладонь к его груди, зная каждый изгиб его тела и понимая, как оно должно отреагировать на ее прикосновения. Ее удивило, когда он ласково отвел ее руку в сторону и оглянулся на маленькую обезьянку, которая угнездилась на широкой лохматой спине собаки. Глядя на Пикассо, Фернанда ощутила внезапную тяжесть на сердце, сама не зная, почему.

– Давай позавтракаем в кафе «Эрмитаж» напротив, – игривым тоном проворковала она. – Только мы с тобой, хорошо?

Она ощутила появление нового барьера между ними, и это ей не нравилось.

– Хорошо. Только не устраивай сцен, если мне захочется принести обеды для Фрики.

– Иногда мне кажется, что ты любишь эту собаку больше, чем меня.

– *Dios mio*, Фернанда! Ведь я же еще здесь, не так ли?

Глава 3

«Я не могу и не буду этого делать!»

Сначала она услышала свой голос, когда вспомнила, что произошло последний раз перед отъездом из дома, и эта сцена ярко разыгралась перед ее мысленным взором.

Родители Евы не реагировали на ее протесты. Мать молча стояла у плиты, помешивая борщ в железном котелке. Отец сидел напротив нее за маленьким кухонным столом, упершись локтями в крышку, и сжимал в мясистой руке полупустую кружку с вином. Он всегда становился раздражительным, когда пил дешевое кислое вино, но никто не осмеливался говорить ему об этом.

«Kochany tata»⁵, – упорствовала Ева в надежде, что ласковые слова на родном языке смягчат его. Но она понимала, что ее голос звучит слишком резко, и не могла скрыть этого. Он непременно услышал ее тон, потому что хорошо знал свою дочь.

Запах свинины, имбиря и кислого вина казался еще более сильным из-за напряжения, сгустившегося в воздухе.

«Что не так с мсье Фиксом? – спросил ее отец. Он сгорбился и смотрел в кружку стеклянным взглядом, с полузакрытыми веками, как будто жизнь стала для него такой же обременительной, как и для ее матери. Ему еще не исполнилось сорока лет. – Ты слишком хороша для него, да?»

«Я не люблю его, папа».

«Пф, любовь! – проворчал он и махнул рукой. – Мы уже обо всем договорились. Такой девушке, как ты, нужен муж, дом, полный детей, и надежная жизнь рядом с родителями».

Ева отпрянула, как будто услышала смертный приговор. «Такой девушке, как ты». Он имел в виду провинциальную простушку, все еще незамужнюю в двадцать три года, не знакомую с мужчинами, отношениями и окружающим миром. Ева не знала, как ей следует ответить, чтобы не разгневать отца, поскольку она еще недостаточно отчаялась для такого брака. Единственное, чего она страстно желала, – добиться чего-то стоящего в жизни. Ее мать продолжала размешивать суп.

«Я не выйду за него замуж, даже если он будет единственным мужчиной, который захочет быть со мной».

«Нет, выйдешь».

«Ты не понимаешь меня, папа. Такая жизнь убьет меня, я знаю это!»

«Это первое серьезное предложение, которое ты получила. Богом клянусь, ты выйдешь за него».

«Я взрослая женщина! Ты слишком много просишь от меня».

«Ты всегда будешь моим ребенком, Ева Селеста Гуэль. Ты поступишь, как тебе говорят, и понимать здесь больше нечего», – объявила ее мать, наконец нарушив молчание. Она отбросила деревянную ложку, загремевшую по кафельному полу.

«Нет! Говорю тебе, этого не будет!»

Внезапно отец влепил ей пощечину, так что голова Евы откинулась в сторону от удара. Первый шок она испытала от изумления, потому что раньше отец никогда не бил ее. Родители ее любили. Когда она медленно повернулась к отцу, то ощутила вкус крови, стекавшей из разбитой губы.

«Ты наша дочь, и клянусь Господом Всевышним, ты будешь женой мсье Фикса, даже если это убьет тебя!»

---

⁵ «Дорогой папа» (польск.).

«Пожалуйста, Ева, – заговорила мать. В ее глазах блеснули слезы. – Он достаточно надежный человек и не бросит тебя, если ты заболеешь. Пневмония едва не погубила тебя прошлой зимой. У тебя всегда было слабое здоровье, особенно легкие. С тобой обязательно случится что-то плохое, если ты будешь там, где мы не сможем защитить тебя. Что-то ужасное, я знаю!»

– Ева! Ты меня слушаешь?

Воспоминание по-прежнему не хотело отпускать ее. Оно отступило, как темный фантом, в дальний уголок ее разума, когда она наконец расслышала голос Сильветты. В комнате было темно, поэтому Сильветта не могла видеть в ее глазах слезы. Из-за открытого окна доносились звуки игры в крикет, и Ева поняла, что Сильветта рассказывает ей историю, которую она не слушала.

– Ты снова думала о том, что случилось с твоими родителями? – осторожно спросила Сильветта.

– Это всего лишь яркое воспоминание, которое приходит по ночам... А так я в порядке.

– Хочешь поговорить об этом?

– Это не поможет. – Ева чувствовала, как слезы высыхают у нее на щеках. Она не потрудилась вытереть их. На какое-то время в комнате воцарилась тишина.

Маленькая комната, которую они делили друг с другом, была залита призрачным лунным светом. Обе девушки лежали на спине, глядя в потолок, и Ева слышала ритмичное дыхание Сильветты. Глубокое и ровное, оно успокаивало ее. Она посмотрела на маленькую деревянную тумбочку с фарфоровыми ручками, разделявшую их кровати. Секунду спустя Сильветта попыталась поднять ей настроение.

– Ты видела лицо Мистангет, когда ты сказала, что собираешься зашить ее панталоны? – Сильветта тихо рассмеялась. Звук ее смеха напомнил Еве перезвон колокольчиков. Она сама не сумела удержаться от улыбки, а потом обе рассмеялись в полный голос.

– Она ненавидит меня, – простонала Ева.

– Она ненавидит всех женщин, которые представляют для нее угрозу.

– Я вовсе не так уж красива, и у меня нет ее талантов, поэтому я не могу быть угрозой.

– Но у тебя есть определенное достоинство. Люди чувствуют это. И мужчины смотрят на тебя не так, как на женщин вроде нее. Ты очаровательная и невинная. Им хочется защитить тебя.

– Я не такая уж невинная и определенно не очаровательная.

Сильветта хихикнула.

– О, поверь мне, так оно и есть.

Воспоминания об отъезде из дома снова прокрались в мысли Евы. Собственная дерзость по отношению к близким не давала ей покоя. Через неделю после ссоры с родителями Ева набралась храбрости, купила билет до Парижа и даже не сказала родителям, куда она направляется. Она слишком боялась, что они не отпустят ее.

Ее родители вовсе не были ужасными людьми. Она знала, что мать изо всех сил старалась найти выход из бедности, которую в полной мере извела в Варшаве, и мечтала выйти замуж и родить ребенка в мирном французском пригороде. Но Ева не разделяла эту мечту. Как только она вошла в вагон поезда в своих единственных сапожках на пуговицах, она тут же вытерла слезы. Ева понимала, какую боль она причиняет родителям, но она жаждала новизны и была исполнена надежд на нечто большее, чем могла найти дома.

– Сильветта?

– Хм-мм?

– Что случилось со швеей, которая работала до меня?

– Она не понравилась Мистангет, – ответила Сильветта после небольшой паузы.

– Она такая грозная!

– Наверное, мне следовало бы промолчать, но это может утешить тебя. На самом деле Мистангет зовут Жанной, но никто не осмеливается называть ее так.

– Почему?

– Потому что ее собственная мать была швеей. Думаю, она так же хочет расстаться со своим прошлым, как и ты. Властные манеры помогают ей в этом, но это и одна из ее слабостей. Прошное до сих пор ранит ее, и в ответ она начинает бросаться на людей.

– Сильветта?

– Что?

– Спасибо, что помогла мне получить работу, – сказала Ева после очередной небольшой паузы.

– Не за что. Я лишь рассказала тебе об открытии сезона, а работу ты получила сама, – ответила Сильветта и зевнула. – Кроме того, однажды ты сможешь отблагодарить меня. Я уверена в этом.

На следующий день Ева и Луи вместе шли по оживленной набережной Орсе под удивительно теплым весенним солнцем. Казалось, все парижане радуются хорошей погоде: они гуляли с раскрытыми летними зонтиками и в шляпах с широкими полями и перьями, колышущимися от легкого ветерка. Тротуары были украшены шаткими книжными прилавками, заполненными потрепанными сокровищами, переплетенными в кожу. Ярко раскрашенные лодки покачивались на блестящей ряби Сены.

Это была ее любимая часть города, и сегодня, с солнечным светом, проглядывавшим из-за Эйфелевой башни и парижских крыш на горизонте, все казалось по-настоящему волшебным.

Ах, как она любила дух этого города!

Потом они срезали путь через тенистую роскошь Люксембургского сада, с широкими песчаными дорожками и ровно подстриженными лужайками, греческими урнами, великолепными фонтанами и манящими пышными кронами деревьев. Буржуазные парочки неторопливо прогуливались рука об руку мимо фонтана Медичи: дамы вертели свои зонтики, а мужчины расхаживали в высоко повязанных шейных галстуках и котелках или соломенных шляпах с жесткими полями и модными тросточками в руках. Другие пары сидели на зеленых парковых скамьях, расположенных вдоль дорожек; некоторые кормили голубей.

На ходу они обсуждали последние новости. Все говорили о том, что газетчики называли «самым большим в мире океанским лайнером», готовившимся к спуску на воду в Ирландии. Его собирались назвать «Титаником» и гордо провозглашали, что он будет непотопляемым.

По словам Луи, путешествовать на этом судне означало искушать судьбу. Перспектива путешествия из Англии в Америку во время первого плавания выглядела абсолютно ужасающей. Однако разве жизнь не состоит в том, чтобы совершать поступки, которые когда-то пугали больше всего?

Чем выше риск, тем больше награда. Как ни странно, именно ее отец всегда говорил об этом.

– А ты отправился бы в плавание, если бы у тебя были деньги?

– Ни за что на свете! – Луи рассмеялся. – Я ненавижу океан. Он слишком большой, темный и неизвестный.

– Неизвестность иногда бывает лучшей частью жизни, – с широкой улыбкой парировала Ева.

Она была рада наконец смешаться с толпой, двигавшейся мимо Гран-Пале по широкому проспекту Николая II и вверх по величественной лестнице к белокаменному Пти-Пале⁶, где проходила выставка. Ева временно отложила в сторону сомнения в лучших намерениях Луи и позволила себе восхищаться художественными произведениями, о которых говорили все вокруг. Она гордо вскинула подбородок, когда он вручил билеты привратнику у входа.

Само здание было великолепным, а стены внутри были расписаны огромными фресками с витражной ротондой на потолке. Там было множество залов, посвященных разным стилям живописи, и Ева с Луи целенаправленно продвигались через толпу к одному из них. Там Ева заметила группу мужчин и женщин, прижимавших к губам руки в перчатках. Она быстро поняла, почему, и захихикала от смущения. Они попали в зал с картинами Анри Матисса. Чувства Евы подверглись испытаниям многообразием ярких красок, грубых линий и первобытных форм, которые она раньше не могла себе даже вообразить. Она не имела представления, что нужно думать или чувствовать по этому поводу, но некоторые полотна были шокирующими, поскольку работы художника были лишены любых условностей. Несколько людей открыто смеялись и указывали на портрет «Женщина в шляпе». Ева подумала, что эта картина похожа на бурный поток со смелыми цветовыми мазками, впечатанными в холст, словно здесь поработал мастерок штукатурщика. Она казалась запретной и необузданной.

Ева была зачарована обнаженными женщинами на других картинах: тела выглядели как огромные чувственные комки масляной краски на холсте. Ей нужно было перевести дыхание.

«Так вот чем занимаются современные художники?» – подумала она, глядя на обнаженные груди, ноги и туловища, изображенные почти на всех картинах.

– Этот стиль был популярен несколько лет назад. Они пишут такие вещи и гораздо чаще, чего не осмеливаются выставлять здесь. Многие картины гораздо более откровенны и эротичны, чем эта обнаженная натура.

Луи укоризненно фыркнул.

– Ты видел что-то похуже? – спросила она.

– Разумеется. Но теперь в моду вошло новое веяние, которое называют кубизмом, и вся эта плоть отправилась в ретроспективную коллекцию по сравнению с чем-то еще более разнузданным. Пойдем, тебе нужно это увидеть! Экспозиция в соседнем зале.

Луи взял ее за руку и повел сквозь толпу. Все-таки он был ужасно нудным человеком, и его описание лучше всего свидетельствовало об этом. Она ненавидела прикосновение его влажной руки почти так же сильно, как и его предсказуемость. Но даже это не могло расшеять ее блаженство. Находиться здесь, на модной выставке, вместе с цветом парижского общества, было просто восхитительно, ее сердце просто пело от восторга.

– В прошлом году они заставили осла помахать хвостом, и получилась картина. Ее выставили здесь. Этот хлам продали за четыреста франков, а художник вроде меня едва может заработать на жизнь, – бубнил Луи, не оставлявший тщетных попыток утешить свое самолюбие и испортить настроение Еве.

Когда они вошли в следующий зал, Ева не знала, чего ей следует ожидать, но новый удар по чувствам еще сильнее потряс ее. Огромное пространство с игрой красок и света, заполненное множеством людей, бросило ее в жар. Там было много больших полотен, покрытых углами и линиями, с мертвенно-бледными кубами и запертыми внутри человеческими силуэтами, которые как будто пытались вырваться на свободу. При виде этих тревожных картин Еву охватила дрожь; она гадала, что пытались сказать художники. Вокруг тол-

---

⁶ Гран-Пале и Пти-Пале (Большой дворец и Малый дворец) – дворцовый ансамбль в Париже, где теперь находятся художественные галереи. Проспект Николая II был переименован в проспект Уинстона Черчилля.

пилось слишком много людей, невозможно было сделать паузу и хотя бы немного подумать, но каждая картина как-то странно волновала ее.

– Этих проклятых художников следовало бы называть дикими зверями, а не фовистами, – проворчал Луи. – Для них в искусстве нет ничего священного. Только посмотри на эти бессмысленные формы! – Он тяжело вздохнул и добавил: – Один из них и впрямь заработал себе некоторое имя, хотя теперь уже ясно, что он на голову выше всех остальных. Какой-то испанец по фамилии Пикассо. Чертовы испанцы!

Он потер подбородок, глядя на огромный холст с серыми и бежевыми кубами.

– Но мне хотелось бы познакомиться с ним. Быть может, частичка его тупой испанской удачи перейдет и на меня. По крайней мере, я умею рисовать лучше, чем осел.

Разумеется, Ева слышала фамилию Пикассо. Все, кто что-то значил в Париже, говорили о нем и называли его настоящим ренегатом. Недавно она читала, что он прославился после того, как оставил стиль Матисса и стал основателем этого нового линейного стиля, презираемого Луи. Ева не разбиралась в живописи, но понимала, что эти картины буквально завораживают ее.

Когда Луи отвлекся на разговор с двумя своими знакомыми, Ева одна вернулась в предыдущий зал и подошла к углу, украшенному большим холстом с изображением обнаженной полулежащей женщины. Она наклонилась ближе. Анри Матисс, «Голубая обнаженная». В этой эротичности не было никакой фальши. В пяти футах за ней располагалось панно «Радость жизни», тоже подписанное Матиссом. На этом полотне были изображены обнаженные люди, отдыхавшие и гулявшие повсюду, тела которых были окрашены в сочные оттенки желтого, красного, розового и голубого цветов. Одна пара даже... о боже! Ева постаралась удержаться от изумленного вскрика.

Именно в этот момент она увидела его.

Он смотрел на огромный холст, висевший на стене перед ним, и выглядел довольно грубым субъектом. «Похож на хулигана, – подумала она. – Настоящий цыган из трущоб». Он выглядел опасным и чувственным, а не приличным и аккуратным, как Луи. Он носил черный вельветовый пиджак явно непарадного вида, черный свитер с высоким воротом, мятые бежевые брюки, потрепанный синий берет и обшарпанные туфли. Его толстые пальцы были запятнаны краской. Он был плотно сложенным и дюжим, как призовой борец.

А потом она вспомнила.

Это был мужчина, которого она видела в «Мулен Руж» вчера вечером. Эти глаза не могли принадлежать никому другому; они были черными, как полночь, и горели так ярко, как будто он хотел прожечь взглядом картину на стене. Его окружала аура угрюмой чувственности, и она невольно вздрогнула. Он смотрел на то же самое полотно Матисса с обнаженными людьми. К ее ужасу, он резко повернулся и перехватил ее взгляд.

Сердце Евы подпрыгнуло, и она внезапно почувствовала себя глупо. Потом, как будто они были единственными двумя людьми в зале, уголки его губ слегка приподнялись в небрежной улыбке, и он кивнул ей.

Время растянулось, и как будто разряд тока проскочил между ними. Воображение обмануло ее, и пока они смотрели друг на друга, она словно почувствовала, как его руки гладят ее спину и привлекают к себе. Потом его взгляд переместился ниже, и Ева поняла, что их мысли зеркально отражают друг друга. Его оценивающий взгляд, как у опытного любовника, сместился от шеи к бюсту. К счастью, никто в многолюдном зале вроде бы не заметил, как они заинтересовались друг другом, а Луи по-прежнему оставался в зале с работами кубистов.

Ева храбро ответила на улыбку художника. Она чувствовала себя такой отчаянной! Она хорошо понимала, что совсем не красавица и совсем не похожа на танцовщиц из «Мулен Руж», но во взгляде этого незнакомца явно читалось желание.

– Любопытная вещь, – заметил он, кивком указав на картину, которую они оба недавно рассматривали. Он говорил с таким сильным акцентом, что сначала она не вполне разобрала слова.

– Я этого не понимаю.

– А вы думаете, художник понимает?

– Ну, мсье Матисс написал эту картину, поэтому он должен понимать.

– Как вы думаете, что он пытается передать?

– Хаос. Дерзость и бесстрашие. Несомненно, бурные чувства, – задумчиво ответила она. – Должно быть, у него неистовый характер.

– Под стать его любовной жизни, – отозвался он и снова посмотрел на картину.

Ева была одновременно смущена и заинтригована, когда он обхватил подбородок большим и указательным пальцами, и тоже посмотрел на холст со сдержанной улыбкой.

– Что, если его душа управляет им, когда он рисует, а вовсе не его разум?

Она не вполне понимала, что он имеет в виду, и немного помедлила с ответом.

– Я просто не понимаю, почему он не может писать картины так же, как все остальные. Даже как Тулуз-Лотрек или мсье Сезанн. Они создали новые стили, но при этом были мастерами своего дела.

– Только не при своей жизни. Но, может быть, мсье Матисс жаждет свободы, чтобы быть откровенным в своем видении мира.

– Что вы имеете в виду?

– Возможно, он хочет изображать вещи так, как он *чувствует* их, а не так, как все остальные *видят* их.

Внезапно Ева поняла, о чем он говорит. Именно поэтому она сбежала из Венсенна – потому, что хотела освободиться и увидеть мир не так, как ее родители. Потому, что она хотела *чувствовать*. Она хотела быть похожей на цыганку из стихотворения Аполлинера.

– Ужасно, когда мир проглатывает тебя, и ты вынуждена видеть мир так же, как другие, – наконец сказала Ева, когда их взгляды снова встретились. – Когда ты не можешь поступать в соответствии со своими чувствами, это просто ужасно.

– Не могу не согласиться, сеньорита. Для многих из нас конформизм невозможен.

– Пикассо. *Aqui!*⁷ – чей-то голос вмешался в разговор, и молодой темноволосый человек подошел к ним из толпы. – Тебя искали, и фотограф уже спешит к тебе!

Ева почувствовала, как краска заливает ей щеки, когда они быстро вышли из зала. Это был Пабло Пикассо? Она только что флиртowała со знаменитым художником.

Нуждаясь в глотке свежего воздуха, она выбралась наружу и прислонилась к белой каменной колонне. Короткая игра в соблазнение ошеломила ее. Хотя Ева всегда утверждала, что не считает себя невинной девочкой, она оставалась наивной и чувствовала себя не в своей тарелке в обществе такого мужчины.

Она стояла неподвижно и старалась перевести дыхание, а ее голова кружилась от мощной смеси возбуждения и неуверенности. Ева никогда не чувствовала себя такой живой, как в этот момент. Это действительно были два самых необыкновенных дня в ее жизни, и она не смела вообразить, что ждет ее впереди.

---

⁷ Вот ты где! (*исп.*)

Глава 4

Загадочная и одухотворенная незнакомка из музея захватила воображение Пикассо, и он не мог избавиться от мыслей о ней. Через два дня после выставки в Салоне независимых художников он стал одержим ею. Он не позаботился спросить ее имя, но ее лицо и изящная фигурка так глубоко врезались в его память, как будто он уже уложил ее в постель. Или написал ее портрет.

Он стоял там, глядя на нее, а она смотрела в ответ простодушными голубыми глазами. Ее маленький ротик был таким соблазнительным, что ему хотелось съесть ее.

Но хватит думать об этом! Он не одинокий мужчина. Пикассо любил Фернанду и старался хранить ей верность. Так или иначе, эта девушка была не в его вкусе. Фернанда была статной и элегантной, мифически красивой женщиной с роскошной гривой темно-рыжих волос. Она привлекала всеобщее внимание, куда бы ни приходила, и пробуждала страсть в каждом мужчине. Пышная, зрелая, искушенная.

Маленькая нимфа из музея была ее полной противоположностью.

Мысль о том, какой сладостно-неуклюжей была встреча на выставке, вызывала у него улыбку. Она явно не была искушенной в мирских делах. Судя по ее дешевому платью, она скорее всего приехала из провинции. Ее глаза, смотревшие на него, были такими же яркими и безыскусными, как голубое сентябрьское небо. Эта простота, казалось, освежала его чувства в этом сложном мире, в котором он жил вместе с Фернандой. В настоящий момент он сомневался во всем, что происходило в его жизни.

Пикассо стоял босой и без рубашки; он всегда так делал, когда работал. Он с отсутствующим видом смотрел на незавершенную картину на мольберте, а в воздухе висел запах сырой краски и скипидара.

Перед ним лежала обнаженная Фанни Телье, позировавшая на кровати у мольберта. Она была профессиональной моделью и уже почти целый час сохраняла неподвижность. С таким хорошим материалом он должен был бы уже закончить картину, но не мог отвлечься от мыслей о девушке. Пикассо уже несколько недель хандрит и был не в состоянии с головой окунуться в работу, а эти новые мысли совсем не помогали ему.

Как хорошо, что его абстрактный стиль хорошо скрывал вещи, которые он рисовал на самом деле, потому что сегодня та девушка вмешивалась в каждый мазок его кисти.

Кубизм сделал его мастером и наделил силой изображать людей и предметы как сумму отдельных частей, располагая их в любом порядке по своему усмотрению. Пикассо находил эту силу почти божественной. Он мог бы сохранить статус-кво, придерживаясь своих меланхолических голубых полотен или своего увлечения арлекинами. Это было бы гораздо проще. В художественном отношении он, безусловно, знал, как дать людям то, чего они хотят получить. Он мог рисовать красивые картины, которых от него ожидали, словно ребенок, повторяющий букварь, а затем пожинать плоды успеха. Он имитировал масляные полотна из лучших музеев. Его картина «Наука и милосердие» была выставлена рядом со старыми шедеврами, самодовольно подумал он. А ведь он создал ее в возрасте пятнадцати лет. Но с тех пор реализм казался ему пустой тратой времени. В эти дни он испытывал потребность в исследовании, творчестве, поиске и хотел что-то значить для самого себя, а не для критиков.

Тени на стене удлиннились, когда первые косые лучи утреннего солнца окрасили комнату алыми, а потом золотистыми тонами рассвета. Все как будто засияло, когда свет продвинулся дальше, мало-помалу заполняя комнату и затопляя ее. Огарки свеч мигали в лужицах расплавленного воска, все еще отбрасывая отблески на горшочки с красками, кисти и

коврики. «*Ma jolie femme*»⁸, — подумал он о загадочной девушке. Какой невинной она казалась, какой неискушенной в сложностях жизни, осаждавших его.

За окном Пикассо мог видеть, что свет над Монмартром уже изменился. Утро вступило в свои права. Стальное парижское небо грозило дождем, и облака то и дело наползали на солнце. Покрытая тонкой пленкой испарины от углей, мерцавших в горелке рядом с ней, Фанни, наконец, шевельнула рукой на подушках, разбросанных под ее головой. Это движение отвлекло Пикассо и раздосадовало его. Он просто не мог отобразить на холсте то, что чувствовал в данный момент.

– На сегодня достаточно?

– Тогда перейдем к чему-то еще? – спросила она, встав с кровати и приблизившись к нему.

По-прежнему обнаженная и соблазнительная, она провела длинными пальцами по плечу Пикассо, потом скользнула вниз по его руке. Фанни имела репутацию натурщицы, которая спит с художниками, и он знал это на личном опыте. Эта встреча была далеко не первой для них.

Она поцеловала его, и он отозвался на ее поцелуй. В какой-то момент, пробуя на вкус ее теплые губы, он рассматривал возможность переспать с ней. По своим формам и возрасту она почти не отличалась от девушки на выставке. У них были похожие волосы и одинаковые ярко-голубые глаза, но интуиция подсказывала ему, что на этом сходство заканчивалось. Пикассо мягко отвел ее руку и протянул ей халат.

– Не сегодня.

– В самом деле, Пабло? – с нотками оскорбленного достоинства воскликнула она. – Это совсем не похоже на тебя.

– Ты права, не похоже. Но сегодня это так, – он бережно завязал шелковый пояс у нее на талии.

– Ты отказался от женщин?

– Возможно, на какое-то время, – он пожал плечами. – Видно будет.

– А Фернанда знает об этом? – спросила она, пересекая захламленную студию, чтобы забрать свою одежду.

– От нее я не отказался, если ты это имеешь в виду. Я слишком многим обязан ей за годы бедности, когда заставлял ее терпеть нужду вместе со мной. Во всяком случае, она часто напоминает мне об этом.

– Ты остаешься со своей любовницей из преданности? Как это буржуазно, – с лукавой улыбкой произнесла модель и начала одеваться. – Только любовь может быть настоящей причиной для совместной жизни. Иначе, дорогой Пабло, ты будешь обманывать себя.

– Я очень люблю Фернанду и всегда буду любить.

– Тогда почему она не позирует тебе, как раньше? Мы с тобой старые друзья, и ты можешь сказать мне правду. Вероятно, тебе будет лучше, если ты это сделаешь. Пока я была здесь, ты все время хмурился, значит, тебя явно что-то угнетает. Почему бы не снять с себя это бремя?

– Ну, хорошо. По правде говоря, я не уверен, что мне суждено навеки остаться с ней.

– А что изменилось после нашего прошлого разговора?

– Точно не знаю, просто есть такое ощущение. Мы слишком часто ссоримся, и моих денег никогда не бывает достаточно, чтобы она чувствовала себя счастливой, – он провел пальцами по волосам. – Скоро мне исполнится тридцать лет, и иногда мне кажется, что мы с ней хотим получить от жизни разные вещи. Она сильно изменилась с тех пор, как мы познакомились.

---

⁸ Моя красавица (фр.).

Фанни кивнула. Уголки ее губ приподнялись в слабом намеке на улыбку.

– Ты удивляешь меня. Ты более серьезный мужчина, чем я думала. Это не похоже на прежнюю браваду... и мне это нравится.

После того как Фанни надела пальто и шляпку, она вернулась туда, где Пикассо мыл свои кисти. Приблизившись к нему, она натянула черные перчатки.

– Послушай, Пабло. Возможно, это не мое дело, но в Париже ходят слухи, что она вовсе не так уж предана тебе.

Он улыбнулся и чмокнул ее в щеку, мягко отказываясь заглотить приманку, потому что странным образом заботился о репутации своей женщины.

– Я ценю твои попытки помочь, но у нас сложные отношения. Мы оба изменяли друг другу за эти годы, – сказал он и достал несколько франков из керамического кувшина на своем рабочем столе, где стоял глиняный горшок с чистыми кистями.

– Имей в виду, что ты тоже сложный человек, Пабло Пикассо, хотя это и не делает тебя менее привлекательным, – с легкой улыбкой произнесла Фанни.

– К сожалению, дорогая, ты не знаешь даже половины, – отозвался он, провожая ее до двери; ему не терпелось остаться в одиночестве.

После ее ухода Пикассо уставился на незавершенный холст с еще не просохшей краской. Ему нужно было побыть одному, чтобы превратить эту картину во внешнее подобие своих чувств и желаний. В нем поселилась тяжесть, и он долго стоял там, купаясь в тишине, которая, наконец, вернулась к нему.

Слишком много голосов раздавалось у него в голове. Слишком много прошлого.

Его сердце недостаточно сильно откликалось на работу, стоявшую на мольберте, как это было необходимо. Он оказался в тупике. Пикассо знал, что для завершения работы ему необходимо вдохновение. Ему была нужна новая муза.

Глава 5

Субботним вечером в «Мулен Руж» Еве пришлось заниматься починкой еще чаще, чем в первый вечер. Она ждала с ниткой и иголкой в дрожащих пальцах – прямо за сценой, у края тяжелого занавеса из красного бархата. Ей нужно было все сделать правильно.

– Зашей побыстрее, чем вчера вечером! – проворчала Мистангет, швырнув ей порванный чулок, когда ассистентка костюмера подошла к ней с гребнем на длинной ручке и стала зачесывать волосы актрисы назад со лба плотной рыжей волной.

– На что ты смотришь, дура? Шей! – рявкнула она, когда увидела, что Ева так и не двинулась с места.

Ева потрясенно осознала, что была зачарована видом модной звезды. Она даже не замечала, что открыто глазееет на Мистангет, пока не поймала взгляд Сильветты, стоявшей за ней и скорбно качавшей головой. Ева быстро опустила глаза и приступила к работе. Было достаточно легко починить распоротый шов, и она быстро вернула чулок Мистангет, которая выхватила его без ответного взгляда или благодарности.

После того как музыка снова заиграла и актрисы высыпали на сцену под гром аплодисментов, Ева сунула иголку и нитки в карман юбки и выглянула из-за тяжелого занавеса.

Его не было там во время первого акта, но теперь он появился. Пикассо сидел за столиком у сцены с той же группой шумных испанцев, но она заметила, что сегодня вечером мсье Оллер, тучный владелец «Мулен Руж», с величественным видом восседал рядом с художником. Он носил строгий черный костюм и галстук-бабочку, а тяжелая золотая цепочка от часов висела у него на груди над жилетным карманом. Сейчас они с Пикассо оживленно беседовали, сдвинув головы. Это произвело должное впечатление на Еву, но она понимала, что ей не следует удивляться близкому знакомству этих двух людей.

Ева снова обвела взглядом соседние столики в поисках женщины, которая могла бы быть спутницей Пикассо. Ей пришло в голову, что это может оказаться мадам Пикассо, и от такой мысли ее передернуло. Она осознала, как мало ей известно о нем, кроме того, что его новый и непривычный стиль живописи наделал много шума в столице Франции. Пикассо считали диссидентом даже среди богемных художников, о нем говорили по всему городу. Хотя в следующем ряду Ева заметила нескольких молодых женщин, хихикавших и указывавших на скандально известного художника, ни одна женщина не сидела так близко к нему, чтобы это бросалось в глаза. Ева покачала головой и улыбнулась, укоряя себя. Такой человек, как Пикассо, выходил далеко за пределы ее досягаемости, даже в мечтах.

Вскоре Еву окликнули, и она вернулась к работе, а к тому времени, когда ей удалось бросить следующий взгляд на сцену и в зрительный зал, Пикассо со своими друзьями уже ушел.

Около полуночи, когда представление закончилось и они вернулись в свою комнату, Сильветта, расчесывая свои длинные волосы, вздохнула. Ева откинулась на подушку, укутавшись в ярко-желтое кимоно своей матери – единственное напоминание о родителях, которое она увезла с собой из Венсенна. Она наблюдала за ежевечерним ритуалом и думала о прошедшем вечере.

– Она и меня тоже уволит, правда? – спросила Ева, имея в виду Мистангет. Страх перед таким исходом не покидал ее весь день.

Сильветта перестала расчесывать волосы и посмотрела на подругу через отражение в зеркале.

– Нет, если она почувствует твою преданность.

– Каким образом я могу добиться этого?

– Может быть, ей что-нибудь подарить?

– У меня нет ничего, что могло бы показаться ей интересным.

– Откуда у тебя это кимоно?

– Мама привезла его с собой из Польши. Оно было сшито моей бабушкой.

Сильветта повернулась на табурете.

– Оно действительно чудесное. И как раз того экзотического вида, который обожают Мистангет. Вот его и подари.

– Это единственная мамина вещь, которая у меня осталась. – Ева вновь ощутила, что предаёт своих родителей. Те дни, которые она провела вместе с ними, – хорошие и гораздо меньше плохих – теперь более четко проступали в памяти, потому что их больше не было рядом. У матери она взяла кимоно, а у отца – щепотку трубочного табака, который зашила в обшлага рукава кимоно, чтобы помнить о них обоих, когда будет носить эту вещь.

– Что ж, очень жаль, – отозвалась Сильветта. – Но другого способа я придумать не могу. Но ведь ты сказала, что для тебя нет ничего важнее, чем жить в Париже, поэтому стоит задуматься о своем будущем.

– Это правда.

– Ты сошьешь себе другое кимоно. Но тебе не выпадет другого такого шанса, как в «Мулен Руж».

Разумеется, сравнение было неравнозначным, Сильветта попала в точку. Это всего лишь халат, и Ева могла пожертвовать им ради того, чтобы гарантировать себе место в кабаре. Она начала понимать, что быть по-настоящему взрослым на самом деле означает отказ от множества вещей из времен беззаботной юности. Париж не сможет защитить ее от этой грубой правды.

На следующий вечер Ева и Сильветта были в костюмерной, когда актрисы и танцовщицы одна за другой проходили мимо рядов вешалок и захламленных гримерных столиков. Их лица еще предстояло загримировать, и они все еще были в уличной одежде. Все девушки, украшавшие сцену «Мулен Руж», лучились уверенностью и с благоговением смотрели на них.

Ева сказала мадам Люто, что не имеет видов на сценическую карьеру, но это лишь наполовину было правдой. Какой девушке не нравится быть в центре внимания, чувствовать себя обожаемой и желанной в зрительном зале, наполненном красивыми молодыми мужчинами? Ева подумала о Пикассо и почувствовала, как кровь прихлынула к ее щекам. Он зачаровывал ее. Разумеется, своей известностью, но также и своей бравадой и чувственностью, которая как будто пульсировала в нем, даже когда она видела его издалека. Она не знала никого, кто был бы похож на этого мужчину. И она не могла рассказать Сильветте об их мимолетной встрече. В любом случае, Сильветта бы не поверила ей. Кроме того, такой мужчина, как Пикассо, – пусть даже незначительный, – никогда не обратил бы внимания на такую девушку, как она, – по крайней мере, так думала Ева. Надежный и предсказуемый Луи был лучшей партией, на которую она могла рассчитывать.

Бедный дорогой Луи. Ева никогда не полюбит его, даже если он останется последним мужчиной на свете. Если она хотела бы согласиться на такую жизнь, то осталась бы в Венсенне и согласилась бы выйти за пожилого мсье Фикса.

– Какого черта вы здесь делаете?

Резкий тон Мистангет ошеломил Еву, и дверь захлопнулась, как восклицательный знак в конце предложения. Мистангет ворвалась в костюмерную и направилась к Еве, которая пришла, чтобы составить компанию Сильветте, пока та готовилась к представлению. Ева оторвала взгляд от гримерного столика Сильветты и посмотрела на актрису, стоявшую с полупустым бокалом шампанского в одной руке и бутылкой в другой. Сильветта побледнела и вскочила на ноги.

– И что за дьявольщину ты носишь? – спросила Мистангет, окинув Сильветту взглядом с головы до ног.

Ева принесла кимоно в «Мулен Руж», и, пока они ожидали прибытия актеров, Сильветта в шутку примерила его.

– Это кимоно, – с невинным видом ответила Сильветта, когда Мистангет налила еще вина из бутылки. – Разве не чудесное? Оно с Востока. Такое экзотичное, сшито японскими монахами. Оно долгие годы принадлежало членам семьи Марсель.

– Эта правда? – недоверчиво спросила Мистангет у Евы и отпила глоток из бокала.

– Разумеется, – поспешно вставила Сильветта.

– Как твои родственники достали такую редкую ткань? – спросила она и поставила бутылку, а потом потянулась, чтобы пощупать шелк, словно это была какая-то драгоценность.

– Мой дед привез его из Осаки.

– Хотелось бы мне отправиться в такое дивное место, – Мистангет вздохнула, и ее губы изогнулись в обворожительной улыбке.

– Мне тоже, – искренне отозвалась Ева, поскольку никогда не уезжала дальше Парижа.

– Можно мне его примерить? – спросила Мистангет. Ее тон неожиданно стал дружеским.

– Конечно же, – снова вмешалась Сильветта, снимая кимоно и предлагая его звезде.

Мистангет запахнулась в роскошное одеяние с изяществом танцовщицы и опустилась в свое гримерное кресло. Помяв пальцами ткань, она взглянула на Еву.

– Сколько ты хочешь за него?

– О, это не для продажи, но...

– Все имеет свою цену, милочка. И люди тоже.

– Я так не думаю, – храбро ответила Ева.

– Когда ты поживешь в Париже достаточно долго, тебе придется так думать. Тебя зовут Мартина, верно?

– Марсель. Но на самом деле меня зовут Ева. Ева Гуэль.

Ева сама не знала почему, но она чувствовала себя обязанной сказать правду. Возможно, потому что Мистангет тоже взяла себе новое имя. Это сближало их.

Мистангет улыбнулась в ответ.

– Я тоже сменила имя, когда впервые приехала сюда. Мое настоящее имя – Жанна Буржуа. Моя мать работала швеей на Иль-де-Франс, но я буду отрицать это до самой смерти, если ты расскажешь кому-то. Вероятно, поэтому ты мне нравишься. Тебе нужно подумать о том, чтобы сохранить свое настоящее имя. Оно красиво звучит. Ты и сама восхитительное создание, с таким точеным личиком. Словно маленькая гейша, – она улыбнулась Еве, когда начала наносить грим на свое лицо. – Да, загадочная гейша из Осаки, которая прячется за своей застенчивостью. И кимоно здесь очень кстати. Будь осторожнее здесь, Ева... или Марсель, если не хочешь оказаться съеденной заживо.

– Я буду помнить об этом, – Ева робко улыбнулась.

– Смотри, не забывай.

– Мадемуазель Мистангет, пять минут! – крикнул из-за закрытой двери работник сцены, предупреждавший о начале представления. – Пять минут до вашего выхода!

– Вы можете брать его в любое время, когда захотите, – сказала Ева.

Актриса медленно встала и выскользнула из кимоно так же грациозно, как и надела его. Пока они говорили, она превращалась в Титину, комичную сценическую бродяжку, – персонаж, который придумала сама.

– Может быть, в таком наряде Морис наконец-то заметит меня.

Обе знали, что она имеет в виду смазливового молодого певца Мориса Шевалье, завладевшего вниманием Мистангет, однако до сих пор ускользавшего от ее чар.

– Кроме того, я не беру вещи взаймы, *cherie*⁹, – лишь иногда одалживаю мужчин у других женщин. Так или иначе, я до сих пор не нашла никого, кого стоило бы сохранить для себя.

Несколько секунд спустя Мистангет выбежала на сцену в роли бродяжки Титины, в разномастных сапожках, плаще и берете. Когда она ушла, Ева и Сильветта переглянулись, и Ева осмелилась сделать глоток шампанского из бокала Мистангет. Сильветта отпила прямо из дорогой бутылки, а потом обе залились смехом.

Еву ничуть не удивило, что Мистангет, закутанной в складки полупрозрачного персикового шифона, понадобилась помощь после ее финального номера. Она слишком много выпила в антракте и в промежутках между выходами на сцену. Еве и Сильветте оставалось лишь гадать, как ей удалось исполнить номер бродяжки, а потом еще станцевать танго с Морисом.

Ева и Сильветта наблюдали из-за кулис за финальным канканом, исполняемым под выкрики и гиканье зрительного зала. Они надеялись, что смогут перехватить Мистангет у выхода со сцены до того, как мадам Люто – или, хуже того, мсье Оллер – увидит, как она спотыкается. Ева сама не понимала, почему, но она начала проникаться теплыми чувствами к темпераментной звезде, которая оказалась более сложным и интересным человеком, чем можно было судить по первому впечатлению.

После ухода со сцены Мистангет тяжело опустилась на плюшевый диван напротив своего гримерного столика и откинулась назад, после чего ее сразу же стошнило. Сильветта бросилась на помощь и наклонила актрису вперед, но тонкая юбка танцевального костюма Мистангет уже пострадала.

– *Pour l'amour de Dieu!*¹⁰ – воскликнула Ева.

– Быстро найди ей какую-нибудь другую одежду! – крикнула Сильветта, лихорадочно вытирая шарфом брызги рвоты. – Мсье Оллер всегда выходит за кулисы, чтобы поблагодарить актрис после представления, и обычно приводит гостей. Нас всех могут уволить за такой позор!

Ева запаниковала. Она не могла потерять работу, только что получив ее.

– Возьми свое кимоно, пока я буду раздевать ее. И побрызгай духами, чтобы заглушить этот ужасный запах.

Мистангет стонала и как будто не понимала, где она находится.

– Мне нужно еще шампанского, – пробормотала она.

– Что вам нужно, так это чашка кофе и хорошая ванна, – отрезала Сильветта. – Ева, скажи ассистенту, чтобы он как можно скорее принес кофе. А я пока помогу ей переодеться.

Ева убежала и через несколько минут вернулась с чашкой кофе. Мистангет немного пришла в себя и теперь сидела, облаченная в ее желтое кимоно. Ткань волнами облегла ее тело и сидела на броской фигуре звезды гораздо лучше, чем на бывшей хозяйке. У Евы сжалось сердце от тоски и раскаяния за все, что она оставила позади. В этот момент ей особенно не хватало присутствия матери.

– Марсель, можно будет очистить костюм? – грустно спросила Мистангет, потирая висок. – Этот шифон такой тонкий.

– Я швея, а не прачка.

– Работа есть работа, – жестко отрезала актриса, тоже поддавшись влиянию паники.

---

⁹ Дорогая (*фр.*).

¹⁰ Во имя любви Господа! (*фр.*)

Ева знала, как можно очистить костюм, поскольку мать терпеливо втолковывала ей, что сочетание пекарского порошка и французской жавелевой воды действует даже на самые деликатные ткани. При этом воспоминании к ее глазам подступили слезы, но она понимала, что заслуживает этой грусти. Чего она не заслуживала – это любви своих близких, которых она бросила без предупреждения. Возможно, когда-нибудь ей удастся загладить свою вину.

– Перед завтрашним представлением костюм будет как новый, – пообещала она, пока Мистангет прихлебывала кофе, а ее бледное лицо постепенно оживлялось.

– Ева, ты просто чудо. Жаль, что я плохо думала о тебе. Ну вот, я сказала это, – пробормотала Мистангет, и в этот момент дверь гримерной распахнулась.

Окутанная клубами сигарного дыма, группа молодых темноволосых молодых людей вошла в комнату вместе с дородным седым Жозефом Оллером, сжимавшим сигару в зубах. Хотя визит владельца заведения после представления был событием предсказуемым, сегодня вечером девушки были особенно взволнованы. Ева и Сильветта отступили назад, когда Мистангет поднялась с дивана. Длинное тяжелое кимоно волнистыми складками ниспадало вокруг нее, не скрывая волнующие изгибы ее фигуры.

– Я пригласил нескольких джентльменов, которых хотел познакомить с вами. Мистангет, позвольте представить известного поэта Гийома Аполлинера, его друга Рамона Пишо и нашу сегодняшнюю знаменитость, художника Пабло Пикассо.

Ева вздрогнула от удивления, когда увидела художника. Она стояла в задней части гримерки, и ее не было видно из-за груды костюмов, туфель и шляп. Тем не менее она затрепетала и протянула руки назад, опершись на гримерный столик. Момент был слишком неподходящим, чтобы изображать беспомощность.

Пикассо был таким же привлекательным, и в сочном желтом свете газовых ламп он казался еще более экзотичным, с большими угольно-черными глазами и загадочной полуулыбкой.

В отличие от их прошлой встречи, сегодня вечером Пикассо выглядел совершенно уверенным в себе знаменитым художником. На нем были отутюженные черные брюки, черный свитер, плотно облегающий его широкую грудь и спину, и начищенные черные туфли. Непокорная прядь волос, падавшая на лоб, была единственным фрагментом, подчеркивающим его темперамент и непредсказуемость.

– Очень приятно, мсье Пикассо, – игриво произнесла Мистангет.

Когда она протянула ему тонкую руку, широкий рукав кимоно скользнул вниз, обнажив изящное бледное предплечье. Ева не верила, что человек имеет право быть таким красивым.

– Что за ерунду вы носите? – с преувеличенным раздражением поинтересовался Оллер. – Нельзя принимать гостей в ночном халате. Мсье Пикассо, мсье Аполлинер, мсье Пишо, примите мои извинения. Очевидно, наша звезда...

– Я подгоняла для нее новый сценический костюм, – выпалила Ева, услышав свой голос как будто со стороны, как будто это говорил другой человек.

Пока Оллер хмуро смотрел на нее, в комнате повисла зловещая тишина.

– Костюм? *Это?*

– Да, для номера гейши, над которым я работаю, – с непринужденной улыбкой ответила Мистангет, умело воспользовавшись паузой.

Ева почувствовала, как вспыхнуло ее лицо, и отступила назад, наткнувшись на гримерный столик. Она услышала звон бутылок за спиной и снова ухватилась за крышку стола, чтобы ничего не упало.

– Неплохая творческая идея, – наконец провозгласил Оллер. Он крепче сжал сигару в зубах и широко улыбнулся.

Наконец Ева встретила взглядом с Пикассо, стоявшим на другом конце комнаты. Все разговоры о номере гейши сразу же отступили на задний план; она смотрела, как Пикассо приближается к ней.

– Итак, мы снова встретились, – сказал он с соблазнительной полуулыбкой, от которой у нее едва не подкосились ноги. – Это явно судьба.

– Но мы на самом деле так и не познакомились, ведь так?

– С моей стороны было большой ошибкой не поинтересоваться вашим именем.

– Меня зовут Марсель.

– А я Пикассо.

– Да, я знаю, – сказала она и улыбнулась неуместности своего ответа.

– Но знаете ли вы, мадемуазель, что я собираюсь написать ваш портрет?

– В самом деле? – смущенно спросила Ева, пока остальные продолжали беседовать и смеяться, что служило прикрытием для их тихого разговора. Смелое заявление Пикассо выбило ее из равновесия, и девушка изо всех сил старалась не показывать виду.

– Определенно, это так.

– И когда это может случиться, мсье Пикассо? – Ева сдержала улыбку, внезапно начиная получать удовольствие от невинного флирта.

– Сегодня вечером, с вашего разрешения, – ответил он. – Ваша красота слишком вдохновляет меня, чтобы ждать дольше.

Ева мельком увидела очень высокого мужчину за спиной Пикассо, которого представили как Гийома Аполлинера, – человека, с которым она давно хотела познакомиться из-за его волнующих стихов. Но на самом деле для нее в тот момент в комнате никого больше не существовало, кроме Пабло Пикассо, хотя его заигрывания были немного похожи на фразы из бульварного романа.

– Тогда скажите мне, Марсель – это ваше настоящее имя или это ваш парижский псевдоним? – по-прежнему тихо, несмотря на шум, поинтересовался Пикассо. – Многие люди, с которыми я знаком в Париже, изображают из себя кого-то другого.

Его протяжный испанский акцент и магнетический взгляд быстро сметали ее защитные барьеры. Как он смог догадаться?

– Я еще не решила, – ответила она, понадеявшись на то, что ее голос звучит беззаботно.

– Благоразумие – это хорошо... в отличие от скрытности.

– Вы имеете в виду только имена, когда говорите о скрытности? – робко поинтересовалась она.

– Я имею в виду любые шаги, которые вы предпринимаете, чтобы не выглядеть заинтересованной нашим знакомством, – хрипло ответил он. – Возможно, мне следовало спросить имя, которое вам дали при крещении.

Святые угодники, как быстро он соображает! Умный, откровенный и к тому же красивый. Ева была вовсе не уверена, что ей стоило пускаться в эту авантюру, но попробовать было интересно. Особенно под пронизывающим взглядом огромных черных глаз, властно привлекавших ее внимание и заставлявших краснеть.

– Если вам так нужно знать, меня зовут Ева, – призналась она. – Всего лишь Ева Селеста Гуэль.

Пикассо мягко положил ладонь ей на поясницу. Никто из присутствующих не заметил этого жеста, что делало момент еще более интимным.

– Когда я выйду из гримерной, подождите несколько секунд, а потом следуйте за мной, – произнес он настолько деловито, что не имело смысла возражать. Эта опасная просьба вызвала у девушки лишь сладостную дрожь предвкушения.

Казалось, прошло лишь мгновение, а Пикассо уже крепко сжимал ее руку, и они бежали вместе как дети к подножию Монмартра, а величественные огни Парижа ярко сияли вокруг них.

Смеясь и держась за руки, они поднимались по многочисленным крутым лестницам на улице Фуатье. Потом пересекли улицу Лепик и спустились по бульжной мостовой улицы Равиньян¹¹ к анклаву художников в Бато-Лавуар. Пикассо сжал руку Евы, когда они подошли к обветшавшему зданию в центре покато́й площади, заросшей шелестящими каштанами. Она знала этот старый дом с просевшей крышей и множеством световых люков с грязными стеклами, который служил гаванью для бедных художников, воров и натурщиц. Они с Луи много раз проходили мимо него по пути к «Шустрому кролику» или к кафе «Розовый дом». Строение казалось ей необычным и даже немного чарующим, потому что оно всегда было усеяно голубями, золотистыми листьями, а вокруг бродили десятки кошек.

Обычно рядом с домом собиралась толпа испанцев, сидевших на перевернутых ящиках и табуретах, и один из них непременно перебирал струны потрепанной гитары, но сегодня вечером они были здесь одни. Лишь свет газовых фонарей составлял им компанию.

– Вы потрясающая женщина, – сказал Пикассо.

Ева с трудом удержалась, чтобы не потупить, как девочка, под его властным взглядом. От Пикассо слабо пахло трубочным табаком, вином и мужским потом. Эта смесь была странно опьяняющей, и у Евы пересохло в горле. Он выжидающе смотрел на нее. Его взгляд не был грубым и высокомерным, но в нем ощущалась неизбежность.

– Вы умеете польстить девушке, – сказала она, ощущая слабость в коленях. – Многим парижским мужчинам стоило бы поучиться у вас.

– Уверяю вас, мадемуазель, это исключительно испанская черта, – отозвался он и заключил Еву в объятия. Потом он потянул ее за собой к облупленной стене дома и прижался к ней. Ева ахнула, когда он впился в ее губы.

Он слегка застонал, и Ева прикрыла глаза. Она боролась с головокружением, охватившим ее, пока они целовались, и чувствовала, что его напряженное тело жаждет большего. Ее защита рухнула, но секунду спустя он снова крепко взял ее за руку и повел внутрь.

Очевидно, в одной из верхних студий кто-то занимался стряпней, и сильный аромат пряностей был чувственным и манящим. Ступени и половицы скрипели у них под ногами, когда они пробирались через звуки гитарной музыки и болтовни за закрытыми дверями. Все это – незнакомое место, ее невинность и желание – сливалось в ее сознании вместе с восторгом и страхом перед чем-то неизведанным. Словно почувствовав это, он еще крепче сжал ее руку, властно и нежно увлекая за собой. Его прикосновение успокоило девушку. Ева позволила ему вести себя. В конце концов, она хотела оказаться здесь, напомнила она себе. Она добровольно пошла с ним.

Студия Пикассо находилась в дальнем конце коридора. Он повернул ручку и открыл тихо скрипнувшую дверь. Потом он протянул руку галантным жестом, приглашая ее войти.

Ева сделала два шага и остановилась, пораженная обилием картин, разбросанных и расставленных повсюду. Комната с большими окнами и облупившейся штукатуркой была усеяна большими и малыми полотнами, покрывавшими стены в буйном беспорядке. Мешанина цветов и оттенков заставила ее от изумления открыть рот. Она поднесла руку к губам, но не удержалась от невольного восклицания. Пикассо с довольным видом улыбнулся.

– *Bienvenida*¹², – сказал он и закрыл за ними дверь.

Запах краски и скипидара в замкнутом пространстве был особенно острым.

---

¹¹ Здесь несоответствие: от «Мулен Руж» на бульваре Клиши есть короткий путь до улицы Лепик и Равиньян, а улица Фуатье находится далеко в стороне.

¹² Добро пожаловать (*исп.*).

Пыльные окна студии, густо заляпанные брызгами краски, впускали в комнату мерцающий серебристый свет полной луны. Пикассо зажег масляную лампу на столе в центре комнаты, озарившую многочисленные полотна теплым желтым сиянием.

Некоторые картины висели ровно, другие – не очень, но в помещении явно не хватало свободного места для всех холстов. Кое-какие из них в несколько рядов были прислонены к стенам или сложены на столах вперемешку с листами эскизов. А несколько картин даже валялись на полу, словно мусор, вместе с коробками, склянками, тюбиками с красками и тряпками. Объем работы поражал воображение. Еве показалось, что комната символизировала мощный взрыв творческой энергии.

Но были и более мелкие детали, которые Ева смогла разглядеть, когда отдышалась. На полу стояла маленькая деревянная клетка, а рядом с ней располагались две грубо высеченных каменных головы на деревянных пьедесталах, явно древнего происхождения. Единственным настоящим предметом обстановки, кроме мольберта, была узкая кровать на металлической раме, закрытая красивым яблочно-зеленым одеялом с вышитыми красными розами и алой бахромой.

– Вы... живете здесь? – спросила она, повернувшись к художнику.

– Когда-то жил, теперь нет. Но моя душа до сих пор живет здесь.

Не вполне понимая, что он имеет в виду и как вообще следует реагировать на события этого вечера, Ева взяла эскиз, лежавший на столе. Он был откровенно эротичным: две женщины, раскрывавшие объятия перед звероподобной фигурой с локоном темных волос. Она еще никогда не видела таких чувственных рисунков и пришла в легкое замешательство. Пикассо невозмутимо смотрел на нее.

– Это сатир и его нимфы, – объяснил он.

Ева смотрела на него, борясь с наивным потрясением.

– Предполагается, что сатир – это вы?

– Если угодно.

– Я не понимаю.

Пикассо пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся. Его реакция была уклончивой.

– Я смотрю на жизнь не так, как другие, – небрежно бросил он.

– Очевидно, это так.

«Господи, я не должна здесь находиться», – подумала Ева, несмотря на свои предыдущие рассуждения. Это место было чуждым, холодным и, скорее всего, опасным. Ева внезапно устрашилась своей неопытностью и, более того, возможного недовольства Пикассо. *Но у каждого бывает свой первый раз*, пришел безмолвный ответ, и ее сердце забило чаще. Ее первый раз, здесь, с великим художником – это будет нечто такое, о чем она не забудет никогда. Ева дрожала, хотя изо всех сил старалась выглядеть зрелой женщиной. Она чувствовала, что ее мощно влечет к нему, и не могла противиться этому желанию, даже если бы захотела.

Ева отстранилась от мыслей, беспорядочно пронесившихся в ее сознании. Пытаясь выиграть время и прийти в себя, она сосредоточилась на стопке больших холстов, сложенных на полу под окном. Это собрание картин было выполнено в глубоких темно-синих и серых тонах, и образы в центре каждого полотна выглядели угрюмыми, истощенными, лишенными всякой надежды. Они ничем не напоминали обаятельного и беззаботного мужчину, который привел ее сюда. За каждым персонажем как будто стояла скорбная и ужасная история, и в каждом из них Ева ощущала человеческую трагедию.

Ева совершенно не разбиралась в живописи, но она хорошо понимала, что трогает ее душу. Это были мощные образы, грубые и совершенно не похожие на кубистские полотна на выставке, тоже написанные его кистью. Ее тело откликалось на их внутреннюю драму, опережая разум. Почему он работал в двух таких разных стилях? Что это означало? Было ли это связано с его личной жизнью? Вопросы и эмоции теснились в ее голове, но она не

осмеливалась строить догадки или спрашивать вслух. Пикассо явно был более глубоким человеком, чем показывал на людях.

Рядом со стопкой холстов находился портрет молодого темноволосого мужчины на голубом фоне, одетого в черное. Его бледное лицо было обращено к зрителю, в широко распахнутых черных глазах застыло жалобное выражение. Лицо было исполнено пронзительной печалью, которая привлекала ее почти так же сильно, как женские портреты.

– Да, как и сатир, это тоже я, – сказал Пикассо, нарушив молчание. Его тон вдруг стал сдержанным и застенчивым. Ева почувствовала в нем неожиданную уязвимость. – Это моя другая сторона.

«Две совершенно разных стороны одного и того же человека», – подумала Ева, пока сравнивала прихотливо-эротичный эскиз на столе с этим автопортретом, – уверенный молодой человек, красивый и чувственный, но вместе с тем чрезвычайно уязвимый.

Пикассо терпеливо ожидал ее реакции, но вместо этого она отвела взгляд и вернулась к остальным полотнам, расставленным вдоль стен. На последней картине в большой стопке была изображена в профиль голова мужчины с закрытыми глазами. Ее освещал желтый огонек единственной свечи. На виске можно было заметить темное отверстие от пули. Потрясенная, Ева повернулась к Пикассо. Его лукавая улыбка исчезла, лицо стало задумчивым и угрюмым. Боль, отражавшаяся в черных глазах, говорила о том, что он не хотел показывать эту картину. Возможно, он забыл, что она находится там.

– Кто это? – осторожно спросила Ева.

– Его звали Карлос Касагемас, – мрачно ответил Пикассо, приблизившись к ней. – Мы вместе приехали в Париж из Барселоны. Он был моим лучшим другом... пока не покончил с собой.

Он сменил тему, положив руки ей на плечи и крепко сжав их. В его хватке чувствовалась огромная сила. Теперь он держал ее, как хозяин, а его лицо дышало задумчивой чувственностью. Ева больше не могла думать, потому что стук сердца заглушал все мысли и чувства.

Пикассо освободил одну руку и начал медленно расстегивать ее белую блузку, не сводя глаз с ее лица. Он был совершенно не похож на мальчишек, которых она знала в Венсенне. Совершенно не похож на Луи. Потом он прижался к ней всем телом, как делал на улице. Его дыхание обжигало ей кожу, а теплые пальцы гладили кожу на груди. Она слегка отодвинулась и заставила себя оторваться от его взгляда.

– У меня не так уж много опыта, но то, как вы смотрите на меня сейчас, не похоже на взгляд художника на натурщицу, – нервно пробормотала она, ощущая бесполезность этих слов. – В конце концов, вы же пригласили меня сюда позировать для вас, не так ли?

Она тщетно пыталась подавить растущее возбуждение и мельком взглянула на кровать в алькове за занавеской. Когда она обернулась, Пикассо страстно поцеловал ее, и Ева с готовностью растворилась в его объятиях. Он снова поцеловал ее, заполнив ее рот своим языком, а потом его пальцы пробежались по затвердевшему соску, потом по другому.

– Я хочу видеть тебя всю, – произнес он с горловым испанским придыханием.

Что было самым желанным: его слава, непреодолимая привлекательность или властная манера? Ева не могла представить ничего подобного еще час назад, когда она стояла в актерской гримерной. Происходило нечто запретное и, несомненно, греховное. Это было неправильно, однако она хотела этого ничуть не меньше, чем он. Они двигались как единое целое – целуясь, прикасаясь друг к другу, обнимая друг друга, – к узкой кровати в углу комнаты. Их поцелуи становились все более настойчивыми, и Ева забыла о картине, об их разговоре, о любых сознательных мыслях. Грубая страсть, мелькавшая за поцелуями Пикассо, совершенно овладела ею. Она почувствовала, как ее тело раскрывается перед ним еще до того, как они разделись. Она ощущала потребность в нем глубоко внутри себя, когда он сни-

мал ее юбку, чулки, лифчик и панталоны, когда он ласкал ее тело, умело задерживаясь на каждом изгибе и выпуклости. *Пожалуйста, пусть я ему понравлюсь.*

Пикассо на мгновение отпустил ее, чтобы раздеться самому. Потом он выпрямился, залитый лунным светом, обнаженный и ничуть не стыдящийся этого.

Они молчали. В словах не было необходимости.

Через минуту Пикассо нагнулся над ней, но, оставаясь по-прежнему сдержанным, с аккуратностью скульптора провел рукой по изгибам гибкого тела девушки. Его пальцы были инструментом художника, проворно двигавшимся по линиям ее тела. Рука продолжала двигаться до тех пор, пока все чувства Евы не обострились до крайности. Она вздрогнула, когда обнаружила нетронутое место между ногами. Когда он снова поцеловал ее, Ева услышала глубокий стон, зародившийся глубоко в ее горле.

В мигающем свете масляной лампы Пикассо заставил ее лежать под ним неподвижно. После поцелуев и томно-длительных ласк его язык отправился по следу, проложенному его пальцами, и желание окончательно вытеснило все остатки рассудка. Он ласкал ее в таких местах, о чем она не могла подумать даже в своих самых смелых фантазиях.

Наконец он приподнял руками ее бедра и вошел в нее. Удовольствие сменилось мгновенной резкой болью где-то глубоко внутри. Лишь тогда она поняла, какой хрупкой бывает невинность. Он торопился и стремился удовлетворить собственную нужду, так и не распознав ее девственности в момент страсти. Ева старалась открыться его движениям, но ее тело сопротивлялось, и она изогнула спину, когда он снова резко вошел в нее. Секунду спустя, когда он что-то простонал ей в ухо, боль исчезла, и она закачалась вместе с ним на волнах наслаждения, забыв обо всем остальном на свете, кроме этого темноглазого незнакомца, который только что навсегда изменил ее жизнь.

Глава 6

– Марсель Умбер, это был абсолютно блестящий ход! – драматично воскликнула Сильветта после того, как Ева на следующее утро попыталась незаметно проскользнуть в комнату.

Она не могла думать ни о чем, кроме Пикассо: о теплоте его тела, о вкусе его губ. Ее кожа до сих пор звенела от его ласк. Не желая расставаться со сказкой, она покинула Монмартр, пока он еще спал. Она ушла до рассвета, поскольку не могла вынести мысли о том, что Пикассо проснется и попросит ее покинуть студию. Он был слишком знаменит, Ева ему не пара.

Она знала, что так будет лучше.

Сильветта опустилась на колени рядом с кроватью Евы. Ее глаза сияли от восторга.

– Мистангет собирается подготовить номер гейши, и мсье Оллер считает эту идею великолепной. После вчерашнего вечера она называет тебя своей спасительницей. Она даже пригласила нас на ланч сегодня перед выступлением. Ты можешь представить, она хочет познакомить нас со своей подругой! И все из-за твоего чудесного маленького кимоно. Какое впечатление ты уже произвела в «Мулен Руж»!

Ева снова подумала о матери, подарившей ей кимоно, и на миг ее охватило раскаяние. *Папа, мама, мне очень жаль, что я расстроила вас обоих*, – подумала она со сжавшимся сердцем. Казалось, целая жизнь прошла с тех пор, как она видела родителей. Но как она могла вернуться к ним теперь? Что они подумают о ней, особенно после того, что она совершила вчера ночью?

Сильветта прервала свой монолог и пристально посмотрела на Еву.

– Кстати, где ты была вчера ночью? Ты не возвращалась домой. Может быть, ты наконец уединилась с Луи?

Ева не знала, почему, но ей не хотелось рассказывать Сильветте правду о Пикассо. Так или иначе, подруга бы не поверила ей. Она сама с трудом могла поверить в случившееся.

Ева застенчиво улыбнулась и опустилась на край кровати.

– Ах ты, маленькая шалунья! – Сильветта захихикала, и Ева не стала разубеждать ее. – Ты придешь на ланч, хорошо? Ну пожалуйста! Мистангет собирается привести подругу, и будет очень неловко, если мы окажемся там вдвоем, без тебя.

– Хорошо, я приду, если это так много для тебя значит, – Ева сощурила глаза и улыбнулась. – Но лишь потому, что ты помогла мне получить эту работу.

– Вот и чудесно! – Сильветта с победным видом приподнялась на корточки. – И знаешь, теперь ты действительно нравишься ей. Ты просто спасла ее с этой идеей о номере гейши. А я так и не спросила, как ты до этого додумалась.

– Я росла в бедной семье и научилась быть изобретательной, – ответила Ева, сняв сапожки и разминая пальцы ног, натруженные после прогулки по Монмартру. Ей не хотелось садиться на трамвай, а остановка подземки находилась довольно далеко.

– Все будет замечательно, – Сильветта уперлась локтями в покрывало и опустила подбородок на ладони. – Может случиться что угодно, когда такая женщина, как Мистангет, хорошо к тебе относится и предлагает познакомиться с *ее* Парижем!

У Евы не было подходящей одежды для ланча с важными людьми, и в других обстоятельствах она непременно бы начала переживать из-за этого. Но она до сих пор была поглощена мыслями о близости с Пикассо, и ей было не до беспокойства о платьях, шляпках или перчатках. Она начинала сожалеть о том, что ушла так быстро и не дала ему возможности сказать, испытывает ли он к ней какие-то чувства. Оставалось лишь гадать, что он подумает об их связи. Разве не так поступают распутные женщины – уходят до рассвета? Вероятно, он привык к такому поведению, ведь многие женщины готовы упасть к его ногам. Разуме-

ется, так оно и было. Он был молодым, красивым и почти знаменитым. Скорее всего, он уже забыл о ней.

– Почему у тебя на глазах слезы? – спросила Сильветта, вернув Еву к действительности. – Ох, я убью Луи, если он обидел тебя!

– Он не обижал, – фыркнула Ева, смахнув слезы тыльной стороной ладони. Она едва не добавила, что Луи тут ни при чем, но вовремя спохватилась. – И я буду благодарна, если ты не станешь упоминать при нем о сегодняшней ночи. Уверена, он будет смущен, если узнает, что я рассказала тебе.

– Ваш секрет, дорогая мадемуазель Умбер, останется в неприкосновенности. Ведь я твоя лучшая подруга, – торжественно пообещала Сильветта.

Ева встала, ощущая потребность освежиться и привести себя в порядок. Внезапно ей стало не по себе от того, что она сделала. Как бы она ни наслаждалась близостью, ей было немного стыдно. Несмотря на все попытки бесстрастного – и зрелого, как ей казалось, – отношения к случившемуся, в конечном счете, Ева не могла не понимать, что она отдала свою девственность почти незнакомому человеку. Маленькая девочка, по-прежнему жившая в ее сердце, оплакивала эту утрату, хотя если сама Ева улыбалась и смеялась вместе с Сильветтой.

Может быть, он снова придет в «Мулен Руж»? В конце концов, существуют же тайные романы. Но она чувствовала себя глупой и беззащитной, даже когда думала об этом.

Ева взяла мыло и полотенца, собираясь пойти в ванную, которая находилась дальше по коридору. Прежде чем Сильветта успела что-либо сказать, в дверь постучали. Сама не зная почему, она немного помедлила, прежде чем повернуть ручку. На пороге стоял юный посыльный с веснушчатым лицом и в форменной фуражке, он серьезно смотрел на нее. «Немногие люди отправляют посылки в такое скромное место, как Ларуш», – подумала она.

– Мадемуазель Гуэль? – спросил он ломающимся мальчишеским голосом.

Он держал в руках книгу в красном кожаном переплете. Название было вытиснено жирными золотыми буквами: «Сатиры, Пан и Дионис: дискуссии о мифологии».

Она кивнула, и посыльный вручил ей книгу. Сопроводительной записки не было, но она знала, кто отправил посылку. Осознание того, что Пикассо считает ее кем-то большим, нежели подругой на одну ночь, наполнило Еву восторгом и сомнениями в том, что делать дальше. Она на мгновение прижала книгу к груди, потом закрыла дверь и неохотно повернулась к подруге. Она знала, что сияет от удовольствия.

– Что это такое? – спросила Сильветта.

– Так, ничего особенного. Сегодня тебе нужно надеть то фиолетовое платье с маленькими перламутровыми пуговицами. Ткань подчеркивает цвет твоих глаз.

– Ты в самом деле так думаешь?

– Ну конечно. Кстати, а кто присоединится к нам сегодня?

Сильветта разложила на кровати два платья и оценивающе посмотрела на них, упершись руками в бедра.

– Я точно не знаю, – рассеянно ответила она. – Но Мистангет сказала, что ее зовут Фернанда Оливье.

Кафе «Купол» было лучшим из четырех заведений, расположенных на перекрестке оживленных бульваров Монпарнас и Распай. Оно находилось в тени широких крон конских каштанов и скрывалось под элегантным навесом сливочно-желтого цвета. Внутри было немного тесно от расставленных столиков со стульями, часть из них были вынесены на тротуар. Повсюду сидели молодые парижане, без усталости рассуждавшие о политике, живописи и литературе. Недавно открытое кафе «Ротонда» на другой стороне улицы быстро становилось главным соперником «Купола», и среди пьющих, курящих, смеющихся и дискутирую-

щих посетителей всегда можно было увидеть какого-нибудь известного человека. Все это создавало ощущение прогресса и новых возможностей, витавших в воздухе.

Однажды Ева мимоходом увидела Айседору Дункан, красавицу и прославленную танцовщицу. Она находилась от нее не более чем в двух футах, неправдоподобно красивая в белом тюрбане, белом платье и мужском шейном шарфе из черного шелка. Она сидела за столиком, ее длинные ноги были скрещены, а в пальцах она сжимала сигарету в мундштуке из слоновой кости, подчеркивая ее движениями глубокомысленный диалог с группой молодых мужчин, собравшихся вокруг нее.

Ева втайне желала когда-нибудь оказаться в этом кафе среди знаменитостей. Слава и впрямь была опьяняющей, и звезды непреодолимо влекли ее к себе. Сидеть там, потягивая аперитив, и слушать разговоры вокруг было все равно, что впитывать чистую магию этого города.

Сегодня Ева чувствовала себя почти уверенно в голубом платье, украшенном ниткой мелкого жемчуга, в бежевой шляпке-колоколе и коротких бежевых сапожках на пуговицах. Она шла к кафе по бульвару вместе с Сильветтой, надевшей по ее совету фиолетовое платье. А Еве пришлось позаимствовать свой наряд у девушки, жившей дальше по коридору в доме Ларуш, которая часто позировала для художника Мориса Утрилло. К счастью, одежда подошла ей идеально. В ней она впервые чувствовала себя более хорошенькой, чем ее высокая, гибкая соседка по комнате.

Заметив их приближение, Мистангет встала и помахала им. Она сидела на банкетке в задней части кафе, у стены с зеркальным стеклом. Официанты, одетые в черное и белое и носившие длинные белые передники, сновали по шумному залу с высоко поднятыми заполненными подносами. Спутница Мистангет сидела спиной к двери. Судя по отражению в зеркале, Ева видела, что она была высокой, а ее осанка говорила о спокойной уверенности в себе. На девушке была надета большая шляпа, украшенная розовой лентой, а длинные серьги с жемчугом и гранатами удачно дополняли наряд. При виде обеих подруг она подняла глаза, но не стала вставать, пока Мистангет тепло обнимала их.

– Как я рада, что вы пришли! Это девушки, о которых я говорила; они просто спасли меня от мсье Оллера.

Ева увидела лицо женщины, когда та повернула голову, увенчивавшую длинную стройную шею. Она была экзотически красивой, с огромными глазами оливкового цвета, чувственными губами и длинными темно-рыжими волосами, волнами ниспадавшими из-под шляпы. Она протянула Еве руку, обтянутую шелковой перчаткой, и их взгляды встретились.

– Ах, да, белошвейка с кимоно, – произнесла она глубоким воркующим голосом.

– Меня зовут Марсель Умбер.

– А я мадам Пикассо, – ответила женщина. Сдержанная улыбка мелькнула на ее лице и тут же исчезла. Эта особа была исполнена необыкновенной грации.

Ева почувствовала, что у нее подгибаются колени. В желудке поднялась волна тошноты, которая на мгновение показалась непреодолимой. Это жена брата Пикассо, надеялась она. О, пожалуйста, пусть будет так! Или, может быть, это двоюродная сестра художника? Но нет, эта женщина – Фернанда Оливье – никогда не стала бы произносить свое имя с такой хвастливой гордостью, если бы не была женой художника. Почти бездыханная, Ева опустилась на стул рядом с Фернандой, которая тем временем пожала протянутую руку Сильветты.

– Мадам Пикассо, это большая честь для меня, – выдохнула Сильветта и широко распахнула глаза. – Я видела вашего мужа в «Мулен Руж». Он невероятно талантливый человек. Говорят, что его работы гениальны.

– Да, в самом деле, – Фернанда безучастно кивнула, постукивая пальцем по своему бокалу.

Выражение лица Мистангет внезапно стало более сдержанным, и Ева увидела, как женщины обменялись взглядами. Видимо, Мистангет хотела что-то сказать, но тут подошел официант, чтобы налить вино. Фернанда откинулась на спинку стула.

– Приятно познакомиться с находчивым человеком, – обратилась она к Еве. – Я уважаю это качество в женщинах. Оно, безусловно, необходимо, если хочешь чего-то добиться в этом ненасытном городе.

– *Merci*¹³, – только и смогла пробормотать Ева. Происходящее все еще не укладывалось у нее в голове. Значит, он *женат*? Она почувствовала себя полной дурой. Почему она даже не заподозрила этого? Почему не догадалась? Такая мысль даже не пришла ей в голову. И, разумеется, жена великого художника должна выглядеть именно так: высокая, элегантная, уверенная в себе.

Ева внезапно возненавидела эту женщину. Но еще больше она возненавидела саму себя. Ей хотелось расплакаться и выбежать из кафе, но тогда все будет раскрыто, включая ее глупость. Пикассо воспользовался ею в большей степени, чем она могла вообразить. Красавец или нет, но Пабло Пикассо был негодяем. Ева одним глотком наполовину осушила бокал.

– Значит, вы уже давно женаты? – с неожиданным любопытством поинтересовалась она.

Мистангет и жена Пикассо снова обменялись взглядами.

– *Официально* мы не женаты, мадемуазель Умбер. Тем не менее я достаточно долго прожила с ним и разделила столько лишений и неудач, что имею право называться его женой.

Ева покосилась на Сильветту, которая казалась совершенно зачарованной этим объяснением.

– Женщины имеют право кое-что требовать от мужчин. Иначе мы вообще ничего не получим.

– В конце концов, рано или поздно мы все обретем свободу, – согласилась Мистангет. – Суфражистское движение набирает силу. Важно напоминать нашим мужчинам, что у них нет пути для отступления. Это веяние будущего.

Фернанда изящно пригубила вино.

– Вообще-то Пабло, то есть мсье Пикассо, имеет довольно традиционные убеждения. Как известно, он испанец и чтит обычаи, несмотря на свой темперамент. Из-за этого мы иногда ссоримся.

– Но зато он новатор в своей манере живописи, – заметила Мистангет. – В искусстве он не слишком заботится о традициях.

Вспомнив эскиз с улыбающимся сатиром, Ева подумала о том, как это верно. Пикассо был скотиной. Он обманул ее, а потом использовал. Теперь ей в первую очередь следует помнить об этом.

– Расскажите мне о себе, – предложила Фернанда. – Откуда вы родом?

Ева начала свой рассказ и одновременно рассматривала собеседницу: матовая кожа, практически лишенная изъянов, густые темно-рыжие волосы, экзотические миндалевидные глаза, низкий чувственный голос... Эта женщина производила магическое впечатление. Было легко понять, почему Пикассо увлекся ею.

Да и какой бы мужчина устоял перед такой красавицей?

Внешность Фернанды и внешность Евы представляли собой разительный контраст: Ева с ее маленькой стройной фигурой, тонкими чертами лица, большими голубыми глазами и каштановыми волосами, ровно зачесанными на обе стороны, неожиданно почувствовала себя подростком по сравнению с этой ослепительной обольстительницей.

---

¹³ Спасибо (*фр.*).

– Я выросла в Венсенне, – наконец ответила она с идеально отточенным столичным выговором. Никто не должен был заподозрить скромное польское происхождение ее матери.

– А как насчет вас? – спросила Фернанда, посмотрев на Сильветту. – Вы танцуете в кордебалете?

– Да, но надеюсь когда-нибудь достичь большего. Мне хочется стать актрисой.

Улыбка Фернанды напомнила улыбку Чеширского кота. Ева ощутила странный холодок и поторопилась обратиться к меню.

– Здесь я рекомендую фрикасе из цыпленка. Хотя сама я преданная поклонница местного ассорти из йоркширской ветчины и сыра с пинтой темного пива. Боюсь, наши голодные времена, проведенные вместе с Пабло, так и не ушли в прошлое, и сейчас мы с теплотой вспоминаем о них.

«Как я могла быть такой наивной?» – лихорадочно думала Ева. Ее желудок сжимали спазмы, сердце колотилось. Этот мужчина, которому она так бездумно отдала свою невинность, принадлежал другой женщине. Как она могла подумать, что он влюбится в нее?

Тем не менее ланч прошел в теплой обстановке. Ева старалась принимать участие в разговоре, чтобы никакие подозрения не коснулись ее. Она предпочла бы ненавидеть Фернанду Оливье, но обнаружила, что не может этого сделать. По большей части, если не обращать внимания на ее тон, Фернанда казалась умной и приятной, хотя и странноватой молодой женщиной с некоторой склонностью к драматизму. Ближе к концу ланча Ева без труда представляла, как Пикассо – или любой другой мужчина – мог безнадежно влюбиться в нее.

После ланча женщины вышли на бульвар и стали дожидаться экипажа. Теперь Ева обратила внимание на узкую юбку Фернанды с перехватом ниже колена. Она видела рекламные объявления с такими юбками от модного дома Пуаре. Это был самый современный фасон.

– Вам правда не нужно платить за нас, – сказала Ева, когда мимо проехала угольная повозка, за которой выстроились в ряд несколько блестящих черных автомобилей.

– Я так хочу, – ответила Фернанда. – Любой, кто рискует своей работой ради того, чтобы помочь моей подруге, заслуживает моего доброго отношения.

– Мы с Сильветтой отправляемся в театр на репетицию, – сказала Мистангет. – А вы куда?

– Я в проезд Данциг, – ответила Ева, не хотевшая, чтобы Фернанда узнала о скромной колонии художников и натурщиц в доме Ларуш, где они делили комнату с Сильветтой.

– Мне в ту же сторону, – сказала Фернанда. – прошу в мой экипаж.

У Евы не было удобного предлога отклонить предложение, да ей и не хотелось этого делать. Интерес к молодой женщине, так отличавшейся от нее, но владевшей чувствами мужчины, с которым она недавно провела ночь, стал почти непреодолимым.

Еве впервые предстояла поездка в автомобиле, поэтому она осторожно ступила на подножку, опасаясь, что машина внезапно тронется с места и увезет ее. Автомобили казались очень шумными и немного пугающими, когда они оживленно сновали взад-вперед по оживленным французским бульварам. Но они олицетворяли будущее, и она желала разделить ощущение, уже испытанное многими горожанами. Ева, когда устроилась внутри, подумала, что автомобиль – самое роскошное транспортное средство в мире.

– Когда вы видите меня сейчас, во всей этой красоте, то не догадываетесь, что я тоже выросла в *banlieue*¹⁴, – внезапно призналась Фернанда, когда автомобиль тронулся с места. – Когда Пабло нашел меня, я позировала за два франка по восемь часов в день, а он был голодным художником и едва говорил по-французски. А когда он пытался что-то сказать, то это выглядело комично. Мне он казался кем-то вроде пещерного человека.

---

¹⁴ Пригород (фр.).

Ева молча смотрела на Фернанду, пока та говорила. Она все равно не знала, что сказать. Никогда раньше она не пребывала в таком смятении от всего, что творилось вокруг.

– Не знаю, почему я рассказываю об этом, – продолжала Фернанда, заполнив неловкую паузу.

– Я тоже могу кое в чем признаться, – сказала Ева, удивляясь себе. – Я сбежала из дома.

– И я тоже.

– На самом деле, Марсель – даже не мое настоящее имя, – продолжала Ева, как будто ей была необходима эта откровенность после признаний Фернанды. Она надеялась, что Фернанда расскажет ей что-то еще о себе и Пикассо.

– Меня зовут Ева Гуэль. Я наполовину полячка, наполовину француженка и определенно не парижанка.

Фернанда улыбнулась ей, и между ними пробежала искра взаимопонимания.

– А мое настоящее имя – Амели Ланг, но я стала называть себя Фернандой Оливье с тех пор, как приехала в Париж. Я пользуюсь тем или иным именем в зависимости от обстоятельств. Мне нравится звучание каждого имени, хотя и по разным причинам... Думаю, у нас с вами много общего.

– Похоже на то, – согласилась Ева.

Когда они подъехали к Данцигскому проезду недалеко от дома Ларуш, автомобиль притормозил, звякнув ветровым стеклом. Секунду спустя водитель обошел вокруг и открыл для нее дверь. Ева была рада, что неказистое здание в форме пчелиного улья оставалось скрытым за увитой плющом каменной стеной.

– Вам нравится цирк? – спросила Фернанда, когда она выходила из автомобиля. Ева обернулась.

– Даже не знаю. Я там ни разу не была.

– Вы никогда не были в цирке? О боже, а мы регулярно ходим в цирк Медрано. Какое-то время Пабло был без ума от него, постоянно рисовал артистов, клоунов и арлекинов. Он говорил, что весь этот сброд кажется ему трагически незащищенным. Для меня все они были мимолетным увлечением, и признаюсь, я устала от этого. Зато вы могли бы насладиться цирком, если бы присоединились к нашей небольшой компании.

«Да, я насладилась бы этим больше, чем ты можешь представить», – подумала Ева и невинно улыбнулась Фернанде.

– У вас есть джентльмен, который мог бы составить вам компанию? Может быть, ваш поклонник?

Ева сразу же подумала о Луи. Она понимала, что просто не может присоединиться к Пикассо и его любовнице без сопровождавшего ее мужчины. По крайней мере, Луи придаст ей силы, чтобы принять такое нелепое предложение и все, что последует за ним. Она по-прежнему злилась на Пикассо за его обман, но не могла отклонить приглашение, которое позволит ей снова увидеть его... и посмотреть на его реакцию.

– Думаю, да, – наконец ответила она.

– Похоже, вы не слишком увлечены своим кавалером? – поинтересовалась Фернанда.

– Это всего лишь мой друг, – ответила Ева, остановившись у распахнутой дверцы. Она знала, что слишком часто изображает из себя наивную простушку, но делала это специально. Театр уже многому научил ее.

– Хорошо, что вы открыты для новых поклонников, потому что мы обычно приводим с собой друзей. Мы с Пабло уже давно пытаемся наставить на путь истинный нашего друга Гийома Аполлинера, который недавно расстался со своей любовницей. Вы ему понравитесь, потому что ваша внешность определенно в его вкусе. Кстати, он известный поэт. Вы уже слышали о нем?

– Имя звучит знакомо, – уклончиво ответила Ева, не желая признаваться в том, что давно любит его стихи.

– Он поляк, как и вы, поэтому у вас будет, о чем поговорить.

– Спасибо за приглашение, мадам Пикассо.

Ева едва не подавилась при последних словах, но поскольку они познакомились лишь недавно, ей казалось уместным обращаться к Фернанде таким образом. Ева определенно не могла называть ее «мадам Оливье», особенно после разговора о давней связи Фернанды и Пикассо.

Фернанда потянулась и взяла ее за руку.

– Значит, решено: встречаемся в понедельник вечером. Будет очень весело. И, кстати, вы можете называть меня Фернандой, как делают мои настоящие друзья. Я оставлю вам два билета на входе, там будет человек, который проводит вас. А потом, может быть, мы все немного выпьем и поговорим.

– Буду ждать с нетерпением, – ответила Ева, продолжая невинно улыбаться. Девушка с нетерпением ожидала посещения цирка только ради того, чтобы снова встретиться с Пикассо и уличить его в обмане.

– Поверь мне, Фернанду Оливье гораздо больше заботит ее титул, чем сам мужчина. Со временем они с Пикассо отделились друг от друга. К тому же она уже замужем, поэтому не может стать настоящей мадам Пикассо. Впрочем, это не мешает ей выставять себя так, как если бы она на самом деле была его женой.

Мистангет заговорщическим шепотом делилась с Евой своими откровениями. Оставался еще час до пятничного вечернего представления, и они болтали в костюмерной. Мистангет величаво возвышалась в желтом кимоно, которое она надела для примерки, и шелковая ткань соблазнительно облегла ее формы. Ее волосы были убраны под черный парик, лицо загримировано и напудрено, а губы покрашены в ярко-красный цвет в соответствии с расхожими представлениями о гейшах. Она собиралась представить новый номер уже сегодня, во время первого акта.

Но в кимоно чего-то не хватало. Отсутствовала какая-то деталь, придающая драматический эффект, необходимый для соперничества с другими блестящими костюмами. Но какая? Ева молча разглядывала свое любимое кимоно, выпрямившись перед актрисой. Она оценила подол, потом длинные расклепанные рукава. Воспоминания о шепотке отцовского табака, зашитого в манжету, снова кольнуло ее в сердце.

Потом она поняла.

Она подошла к большой коробке со старыми костюмами, отрезами ткани и тряпками в закоулке за сценой, и достала длинную ленту ярко-алого шелка, которую видела там раньше. Секунду спустя она представила блестящую ткань на одобрение Мистангет.

– Что, если мы обошьем манжеты рукавов и воротник чем-то более ярким, вроде этого? Контраст между тканями в огнях рампы будет выглядеть очень эффектно.

– Блестяще! – с довольной улыбкой воскликнула Мистангет.

– Спасибо, – кивнула Ева.

– Я понятия не имела, что ты еще и портниха.

– Я тоже.

– Ну, теперь ты знаешь. Давай сделаем это!

Преисполненная новым ощущением успеха, Ева осмелилась сменить тему. Но она все равно боялась задать вопрос, ответ на который мог оказаться совсем не таким, как она надеялась.

– Почему же Пикассо до сих пор живет с Фернандой, если она так настроена против его испанских корней?

– Уверяю тебя, это великая тайна для всего Парижа. У него репутация дамского угодника, и он обзавелся новой студией в ветхом доме на Монмартре, где когда-то пробовал себя в живописи после приезда в Париж. Говорят, он сделал это для того, чтобы избавиться от притязаний Фернанды. Лично я готова поспорить, что он приводит туда женщин.

– Я считала ее вашей подругой, – сказала Ева, подумав о том, что с такими друзьями Фернанде Оливье не нужны никакие враги.

– Ее влияние в городе растет благодаря успехам Пабло, поэтому с моей стороны было бы глупо отвергать ее дружбу, – ответила Мистангет. – Но в Фернанде есть какое-то отчаяние, которое обескураживает меня. Думаю, она будет сражаться до смерти за все, что для нее важно. Со стороны это выглядит так, словно она никогда не знает: счастлива ли она или находится на краю какой-то ужасной трагедии.

Ева согласно кивнула, хотя ей Фернанда показалась спокойной и уверенной в своей красоте.

– И будь осторожна в отношении Пикассо, – добавила Мистангет, пропустив длинную шелковую ленту между пальцами. – Он разбил сердце не одной юной девушке, которые думали, что у них есть шансы противостоять Фернанде.

– Буду помнить об этом, – ответила Ева таким тоном, словно ей и в голову не могло прийти что-то подобное.

Потом она забрала у Мистангет кимоно и начала аккуратно отпаривать манжеты с рукавов, втайне желая, чтобы она с такой же легкостью могла расстроить связь Пикассо и Фернанды, если, конечно, представится такая возможность.

Еве по-прежнему хотелось обо всем рассказать Сильветте. Она уже несколько раз едва не проговорила, пока собиралась в цирк Медрано в понедельник вечером. Она выбрала то же голубое платье, которое позаимствовала для ланча с Фернандой, потому что чувствовала себя в нем уверенно. Сегодня вечером ей определенно понадобится самообладание, и чем больше, тем лучше.

«Мулен Руж» по понедельникам не работал, так что это была единственная возможность для вечернего выхода в свет. Умом она понимала, что ей следует радоваться этому любезному приглашению, но вместе с тем нервничала от предстоящей встречи с Пикассо.

Луи подал ей руку, когда они приблизились к толпе, собравшейся перед зданием цирка. Никто из них толком не знал, чего ожидать.

– Я до сих пор не понимаю, как тебе удалось получить такое приглашение, – взволнованно проговорил он, жадно вбирая в себя гул толпы и звуки бравурной цирковой музыки, доносившиеся изнутри.

– После выставки у меня остался должок перед тобой. Ты же сказал, что будешь рад познакомиться с таким известным художником, как Пикассо, вот я и подумала, что это будет интересно. Все в Париже только и говорят о нем.

– Конечно, я рад. Надеюсь, он сможет дать мне кое-какие дельные советы, ведь говорят, что, несмотря на сегодняшний успех, ему тоже сначала приходилось нелегко.

Ева внутренне поморщилась, услышав нотки отчаяния в голосе Луи. Молодой человек рисовал красивые акварели, но его работа не имела той страсти, которой дышали произведения Пикассо. И в нем определенно не было никаких задатков будущей знаменитости. Луи был человеком, который играл в искусство, а Пикассо в нем жил.

Когда Ева назвала их имена у билетной кассы, к ним подошел юноша в красно-черном костюме арлекина. Пробираясь внутрь, они миновали клоуна, жонглера и двух девушек в обтягивающих трико и с огромными колышущимися перьями, прикрепленными к головным уборам. Судя по выражению их лиц, Ева пришла к выводу, что работники цирка сопровождали только важных гостей.

Ее сердце забилося сильнее, когда они приблизились к первому ряду. Она заметила Пикассо, Фернанду и группу их друзей, занимавших лучшие места. Внезапно ей показалось, что она не сможет этого вынести. Ее желудок свело спазмом, к горлу подкатил комок. Фернанда встала, широко улыбнулась и помахала, подзывая их к себе.

– Я так рада, что вы пришли! Вот увидите, вам понравится представление, – сказала она и обняла Еву, как будто они были знакомы уже целую вечность. – Пабло, это Марсель Умбер и ее друг. Разрешите представить: Пабло Пикассо.

Ева испытала мгновенный прилив отваги и едва не заявила, что они уже встречались, но нервы подвели ее, и она просто кивнула под суровым пристальным взглядом Пикассо.

– Меня зовут Луи Маркус, – дружелюбно сообщил Луи.

– А это наши добрые друзья: очаровательная Жермена и ее муж Рамон Пишо, сам замечательный художник, – Фернанда указала на привлекательную молодую пару, сидевшую рядом с ней. – А это, разумеется, Гийом Аполлинер.

Аполлинер встал, чтобы поприветствовать их. Он был необыкновенно высоким, с тяжелым длинным подбородком и покатыми плечами. Читая его стихи в Венсенне, Ева всегда представляла себе гораздо более франтоватого и не такого огромного мужчину. Тем не менее он обладал дружелюбной аурой и восхитительно теплой улыбкой. Он был похож на ласкового великана.

– Какой у вас интересный тип красоты, – Аполлинер заметно шепелявил, и она могла слышать за его словами знакомый польский акцент. Он как будто не помнил, что они уже встречались за кулисами в «Мулен Руж».

– Не слушайте его рассказней. Он любит пофлиртовать и сейчас находится в расстроенных чувствах, потому что подруга отвергла его. Но они, конечно же, помирятся, как и все остальные в нашей маленькой компании. Мы навсегда связаны друг с другом, – сказала хорошенькая молодая женщина по имени Жермена, протянув руку Еве. Ее волосы были такого же оттенка, как у Фернанды, а зеленые глаза сияли счастьем. Ева подумала, что они могли бы оказаться сестрами. – Я рада познакомиться с любой подругой Фернанды.

– Спасибо, – сказала Ева. Потом она украдкой взглянула на Пикассо и заметила, что он по-прежнему смотрит на нее. Она не знала, что он хочет сообщить ей своим тяжелым взглядом, но радовалась тому, в каком неловком положении он оказался. Это было единственным оружием, которым она располагала, и ей хотелось воспользоваться своим преимуществом. Разве не так поступают светские дамы в подобных ситуациях?

– О, начинается! Мсье Маркус, садитесь рядом со мной. Пабло любит болтать во время представления, а я, разумеется, уже слышала все это раньше, – Фернанда отдавала распоряжения, как будто управляла слугами на званом обеде. – Мне говорили, что вы художник. Луи Маркус, хм-мм... А вы не думали о том, чтобы сменить имя? Если вы собираетесь стать знаменитым художником здесь, в Париже, ваше имя должно звучать более величественно, чтобы его лучше помнили.

Ева услышала, как он хмыкнул, поскольку однажды уже сменил имя. По парижским меркам, имя «Луи Маркус» было для него огромным достижением.

– У вас уже есть предложение?

– Пока нет, но обязательно будет, – пообещала Фернанда.

Ева неуклюже опустила на единственное свободное место рядом с Пикассо. Перед ними находились перила ограды; запах стружек и конского навоза бил в ноздри. Прозвучала труба, объявлявшая о начале представления, и Пикассо наклонился ближе к Еве.

– Нам нельзя встречаться таким образом, – прошептал он ей на ухо.

– Буду рада последовать совету, если вы любезно перестанете появляться повсюду, где оказываюсь я.

Фернанда продолжала весело болтать с Луи и указывала на слонов, которые разбрелись по центральной арене под звуки фанфар.

– Я ничего специально не предпринимал.

– В самом деле? – резко спросила Ева, придерживаясь уже выбранного надменного тона.

– И дня не прошло, чтобы я не думал о вас.

– Уверена, что мадам Пикассо не понравились бы такие признания.

– Я не женат.

Ева кинула быстрый взгляд на Фернанду.

– Она называет себя вашей женой, так что не вижу особой разницы.

– Возможно, это правда, – признал Пикассо, неловко пожав плечами. Два огромных серых слона в красно-золотых воротниках прошли перед ними вслед за дрессировщиком в красном плаще и черном цилиндре. Он щелкнул длинным кнутом. – Клянусь вам, когда мы встретились, у меня и в мыслях не было обманывать вас.

В его словах, произнесенных шепотом, Ева расслышала слабый намек на раскаяние.

– Что сделано, то сделано.

Повисло молчание. Наконец конферансье объявил следующий номер громким, хорошо поставленным баритоном. Пикассо козырьком приставил ладонь ко лбу. Он вдохнул, медленно выдохнул и обвел взглядом арену, засыпанную опилками.

– Не ожидал от вас такой резкости.

Она застыла, тоже глядя на арену и на двух полуобнаженных акробатов с длинными перьями на головных уборах, которые выбежали для того, чтобы покататься верхом на слонах.

– Это не просто слова, мсье. И другим тоном я не могу с вами разговаривать, потому что мои мысли идут от сердца, какими бы глупыми и наивными они ни казались для такого человека, как вы.

– Они трогают меня. *Ты* трогаешь меня так, как не случалось уже очень давно.

– А *ты* оскорбляешь меня, когда сидишь здесь в присутствии твоей жены.

– *Dios*, она мне не жена!

– Конечно, такое сравнение ниже твоего достоинства.

– Откуда тебе знать, что ниже моего достоинства и на что я способен? – отрезал он.

Фернанда мгновенно отреагировала на повышение тона Пикассо и посмотрела на них. Ева почувствовала, как заливается краской. Ее сердце забилося с угрожающей частотой. Возможно, она была не готова к этому. Она еще никогда не чувствовала себя такой незащищенной и униженной. Если бы она могла вернуть ту ночь, ах, если бы... Но в тот момент, когда эта мысль пришла ей в голову, она поняла, что даже если бы та ночь повторилась тысячу раз, она бы все равно отдалась Пикассо. Это была самая восхитительная ночь в ее жизни.

Никто из них больше не произнес ни слова до конца представления. Наконец они вышли на оживленный бульвар Рошешуар вместе с остальными зрителями. Уже горели уличные фонари, и каждый отбрасывал конус янтарного света, через который они проходили. Вечер был теплым, и парижане неторопливо прогуливались. Луи как будто случайно положил руку на плечо Евы, когда они шли по улице Мортир, но в этом жесте было что-то собственническое, а вовсе не дружеское. Впрочем, она заставила себя не отстраняться от нее, потому что вдруг захотела, чтобы Пикассо приревновал ее.

– Приглашаю всех зайти к нам и немного выпить, – объявила Фернанда, шагавшая впереди, облокотившись на руку Аполлинера. – Теперь мы живем в прекрасном месте, и я обожаю принимать гостей. Вы знаете, что Пабло снял мне квартиру на бульваре Клиши. Все, кто что-то значит в Париже, живут именно там.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– О, мастер наконец-то сказал свое слово! – воскликнула Фернанда с драматическим жестом. – Пикассо *так не думает*. Что само по себе есть утверждение, не слишком далекое от истины.

– Полегче, Фернанда, – предупредила Жермена.

Ева встряла в пикировку между двумя женщинами, хотя понимала, что они гораздо лучше знают особенности характера Пикассо.

– Все нормально... может быть, в другой раз.

– Полно вам, мадемуазель Умбер. Нет другого времени, кроме настоящего. В Париже нужно хвататься за любую возможность, и Пабло отлично умеет это делать. Расскажи им, Пабло! Поведай, каково быть мастером!

– Перестань, Фернанда, – простонал он в ответ.

– *Con calma, mi amigo*¹⁵, – произнес муж Жермены. Даже не зная испанского, Ева понимала, что друг Пикассо просит его не устраивать сцен, свидетелями которых они не раз становились раньше.

– Мастер портит настроение другим людям, – сквозь зубы прошипела Фернанда.

– Не стоит его подзуживать, – убеждала Жермена, и Еве вдруг захотелось немедленно сбежать отсюда.

Положение становилось все более напряженным. Луи еще крепче вцепился в плечо Евы. Оба чувствовали, что назревает ссора.

– Стоит ли говорить о том, как он подзуживает меня? – горячо прошептала в ответ Фернанда.

– Тебя? – выкрикнул Пикассо, быстро приблизившись к ним сзади. – Я дал тебе все, о чем ты когда-либо просила!

– Давайте-ка все успокоимся, пока еще не поздно, – предложил Рамон, пытаясь сгладить неловкую ситуацию. – Думаю, нам нужно выпить.

– Блестящая идея, – одобрил Аполлинер.

– Я бы предпочла опиум, – шаловливо заметила Фернанда.

– Тебе прекрасно известно, что этому больше не бывать.

– Не решай за меня, Пабло, – парировала Фернанда.

– Я могу сказать тебе то же самое, *mi corazón*?¹⁶ – резко бросил он.

Вместо квартиры Фернанды они отправились в кафе «Сиреневый хуторок»¹⁷ на бульваре Монпарнас, модное заведение, где по вечерам собирались молодые интеллектуалы. Они собрались у длинной стойки бара из красного дерева, где молодые парижане в белых фраках и галстуках и женщины в элегантных платьях дегустировали разные напитки. Скорее всего, эти посетители собирались в оперу или недавно пришли оттуда.

Пикассо наклонился к Еве.

– Я начал рисовать тебя сразу же после твоего ухода, – сказал он, нарушив трескотню разговоров и звяканье тарелок.

– Ты зря тратишь время, – ответила она, пряча взгляд.

– О, я очень ценю свое время, – заверил он и мгновенно стал серьезным. Потом, оглянувшись по сторонам, спросил: – Тебе понравилась книга?

Фернанда уже открыто флиртowała с Луи, и Еве показалось, что она довольно пьяна.

– Сильветта использует ее в качестве подпорки для двери.

– О, Сильветта.

---

¹⁵ Успокойся, друг мой (*исп.*).

¹⁶ Сердце мое (*исп.*).

¹⁷ «Сиреневый хуторок» («Клозери-де-Лила») – кафе на бульваре Монпарнас, популярное место собраний артистической богемы.

– Ты ее тоже соблазнил, да? – дерзко поинтересовалась Ева в тот момент, когда к ним подошел Аполлинер.

– Я слышал, вам нравятся мои стихи, – добродушно заявил он, непринужденно втиснувшись между ними, как человек, разделяющий двух незнакомцев посреди толпы.

– Да.

– А есть ли среди них те, которые нравятся больше других?

«Знают люди, что время их судит, / Но надежда любить по пути / Нам позволила руки сплести. / Что сулила цыганка, то будет». Эти стихи всегда казались мне очень личными.

Ева заметила искру ревности в глазах Пикассо и втайне порадовалась этому.

– Вы помните наизусть?

– Лишь несколько строф. «Срываю вереск... Осень мертва... / На земле – ты должна понять – / Мы не встретимся больше. Шуршит трава... / Аромат увядания... Осень мертва... / Но встречи я буду ждать»¹⁸.

– Я поражен, мадемуазель.

– Посмотри, Апо, готов ли наш столик, – требовательно проворчал Пикассо. Казалось, он совершенно не обращал внимания на Фернанду и на то, что происходило между ней и Луи на дальнем конце барной стойки.

– Я должен снова встретиться с вами. Позвольте мне написать ваш портрет.

– Стать вашей натурщицей, как в прошлый раз? Думаю, нет.

– Неужели это действительно было так плохо, мадемуазель Гуэль? – настаивал Пикассо, наклонившись так близко, что она ощущала его дыхание у своей шеи, как и прилив теплого, первобытного влечения, тут же возникшего между ними.

Ева подняла бокал и сделала глоток. Когда она увидела, как дрожит ее рука, то медленно опустила бокал на стол в надежде, что он ничего не заметил.

– Я ведь не знала, что вы с кем-то живете, – наконец сказала она.

– А я не знал о вашей невинности и неопытности, так что мы оба находились в невыгодном положении.

Ева не ожидала, что он окажется настолько хитроумным, а его присутствие будет таким обворожительным, особенно в толпе людей, когда его любовница находилась лишь в нескольких шагах. В обществе Пикассо Ева чувствовала себя стесненно, но сейчас она была достаточно рассержена, чтобы не поддаваться на его изощренные уловки.

– Извините, но я не хочу играть с вами, – сказал Пикассо и накрыл ладонью ее пальцы под стойкой бара. – Только скажите, что вы позволите мне снова увидеть вас.

– А как же мадам Пикассо?

– Как выяснилось, у Фернанды появился новый любовник, юный хлыщ из Германии. Мои друзья думают, что я ничего не знаю. Они пытаются оградить меня от переживаний и хотят лишь одного: чтобы я и дальше занимался живописью. Все, что угодно, лишь бы сохранить мир и выгодно продавать мои картины. Но я-то знаю обо всех приключениях Фернанды!

– Это слишком опасно для меня, – Ева покачала головой. – Я действительно не хочу вмешиваться в ваши отношения.

– Увы, *mi bellezza*¹⁹, но мне кажется, что вы уже это сделали.

Когда их столик наконец был готов, Аполлинер настоял на том, чтобы Ева села рядом с ним, и они еще немного побеседовали о поэзии и поэтах, которые ей нравятся. Потом, в свою очередь, он собирался раскрыть ей, как ему удалось написать некоторые самые загадочные и часто трудные для понимания стихи. По словам Аполлинера, разговор с человеком, который

---

¹⁸ Аполлинер Г. Прощание. Пер. М. Кудинова.

¹⁹ Моя красота (*исп.*).

понимает его искусство, доставит ему огромное удовольствие. Пикассо сидел напротив нее между Жерменой и Рамоном. В течение всего обеда, несмотря на разделявшее их расстояние, он почти не сводил глаз с Евы. Она ощущала его взгляд даже в те моменты, когда Аполлинер делился своими откровениями о поэзии и наркотиках.

– Вы когда-нибудь писали о любви? – спросила она, после того как официант принес блюдо с террином²⁰.

– Я никогда не был влюблен, – он вздохнул. – Только похоть, не более того. А я взял за правило писать лишь о том, что хорошо знаю.

– Это выглядит благоразумно. Думаю, я тоже никогда не была влюблена, – Ева тихо рассмеялась, понимая, что это не так.

– По словам Фернанды, вы тоже родом из Польши, мадемуазель Умбер?

– Там познакомились мои родители. Мой отец француз, а мать – полячка. Мы жили там, когда я была ребенком, а потом отец привез нас во Францию.

Разговор был удивительно непринужденным, если принять во внимание, что она беседовала с человеком, чьими стихами так давно восхищалась.

– На самом деле, меня зовут Ева Гуэль, но здесь, в Париже, я отказалась от этого имени. Хочу посмотреть, что может предложить жизнь парижской девушке, которую зовут Марсель Умбер.

– О да, такое имя гораздо ближе для парижан. Впрочем, оно кажется не вполне настоящим из-за вашей чудесной польской улыбки. А мое настоящее имя совсем не поэтично: Вильгельм Костровицкий, но как собрат по крови буду надеяться, что вы не станете рассказывать об этом, – он добродушно рассмеялся.

– Фернанда сказала, что она тоже называла себя разными именами после приезда в Париж.

– Включая мадам Пикассо.

– Вы этого не одобряете? – спросила Ева.

– Если и не одобряю, то не смею говорить об этом. Фернанда Оливье – это сила, с которой следует считаться. И она определенно не из тех, кому можно перечить.

С другой стороны стола внезапно донесся чарующий голос Фернанды. Она говорила Луи, что придумала ему имя, и с завтрашнего дня он должен называть себя *Маркуссисом*. Она считала, что это превосходное имя обязательно принесет ему удачу.

– Буду считать, что вы меня предупредили, – обратилась Ева к Аполлинеру.

– Вы ее новая подруга, поэтому вам не о чем беспокоиться, – с тихим горловым смешком произнес он и взялся за нож и вилку. – До тех пор, пока вы ей нравитесь.

---

²⁰ Террин – разновидность паштета из дичи, домашней птицы или мяса с овощами, выпекаемая в особой форме.

Глава 7

– Ну, Пабло Диего Руис-и-Пикассо, что за дьявол в тебя вселился? Будь я проклят, если ты не пьян в стельку! – проворчал Макс Жакоб, отступив от распахнутой двери своего кирпичного дома на бульваре Барбес.

– Я в порядке, – пробормотал в ответ Пикассо, пока коляски и автомобили пронеслись на улице за его спиной. Его глаза налились кровью и как будто смотрели в разные стороны. – Где у тебя вино?

– Боюсь, у меня его нет, старина. Звучит знакомо? – поддразнил Макс. Он никогда не упускал возможности поговорить со старым другом на равных. Макс дал Пикассо первую крышу над головой в Париже, одолжил ему несколько сантимов, когда тот нуждался в деньгах, покупал ему еду. Теперь он считал, что это давало ему право на вольности, которое имели лишь немногие другие знакомые художника.

– Тогда где твой эфир? Я знаю, *это* у тебя есть, – речь Пикассо была невнятной.

– Каким бы другом я был, если бы сказал тебе? – Макс перехватил руку Пикассо, когда тот потянулся к ящику секретера. – В последний раз я хватил через край, амиго. Два дня назад я очнулся перед домом в луже собственной рвоты, а бродячая кошка вылизывала меня. Такое поэтическое переживание наставляет на путь истинный. Клянусь тебе, я навсегда отказался от этой дряни.

Макс говорил об этом как о пустяке, но на самом деле он уже давно вел тщетную борьбу с наркотиками. Два года назад, когда Фернанда и Пикассо перестали курить опиум, Макс, как будто наперекор им, добавил к растущему списку своих вредных привычек еще и эфир.

– Мне нужно поговорить о Фернанде, а из всех наших друзей ты меньше всего расположен к ней, поэтому будешь со мной честен.

– Ты хочешь сказать, что я меньше всего подвержен ее соблазнам, – Макс фыркнул и закрыл дверь.

– Да, если хочешь.

– Пожалуй, это имеет большее отношение к моим сексуальным предпочтениям, чем к моему благоразумию, *non atti*. Она никогда не имела чувственной власти надо мной. Впрочем, как и все остальные, я признаю ее неопровержимую красоту.

– Я не уверен, что теперь она владеет моими чувствами.

Макс отступил на шаг, словно получил пощечину, и опустился в обшарпанное кресло возле угольного камина.

– Вот дерьмо. Право же, не ожидал услышать это от тебя.

– Я тоже.

Пикассо провел ладонью по лицу и горестно застонал. Он устал, запутался и определенно был недоволен собой. Все эти чувства были ему отвратительны из-за их патетичности. Только внутренняя сила имела значение и возбуждала его как в отношениях с женщинами, так и в живописи.

– Фанни Телье снова позировала тебе? – с подозрением в голосе спросил Макс, когда они устроились рядом в старой гостиной, изобиловавшей декоративными папоротниками. Окна были закрыты тяжелыми бахромчатыми занавесками, а вдоль стен выстроились книжные полки.

– Дело не в ней и не в ком-то еще, – солгал Пикассо. Упоминание о Еве казалось ему предательством в отношении неопытной девушки, впрочем, не лишенной соблазнительного темперамента. – И не в Фернанде, а в предсказуемости нашей жизни, в наших постоянных метаниях, – он вздохнул. – На самом деле, я не знаю. К тому же речь идет о моей работе.

Никто, кроме Канвейлера, не понимает мои новые картины. Все хотят урвать кусочек моего успеха, но никому нет дела до того, что стоит за ним.

– Тебе двадцать девять лет, *mon ami*. Рано предаваться таким мрачным раздумьям. И перестань жалеть себя.

– В последнее время я чувствую себя таким старым... Я так устал, как будто прошел уже свой путь до конца.

– Боже милостивый, Пабло, что за дьявол в тебя вселился? Фернанда всегда была твоей музой, любовью твоей жизни.

– В том-то и дело! – Пикассо вскинул руки в умоляющем жесте. Его лицо внезапно покраснело от раздражения. – Но что, если она не моя муза? Что, если кому-то другому суждено вдохновлять и поддерживать меня? Что, если я останусь запертым в этой клетке, если не освобожусь и не найду ее, другую женщину? *Dios mio, ayudame*²¹, где твой эфир?

Макс с силой выдохнул и покачал головой.

– Это тот немец, верно? Апо советовал ей быть осторожнее, но она никогда не слушает... Не знаю, кто из вас хуже. Может быть, вам обоим нужно куда-нибудь уехать. Скоро лето... Почему бы не смыться из Парижа на какое-то время? Отправляйтесь на юг, подышите свежим воздухом, а? Возьмите ваших животных. Ты же знаешь, этот маленький зверинок всегда поднимает тебе настроение. Занимайся живописью, занимайся любовью, и этот мальчишка быстро исчезнет из вашей жизни.

Но исчезнет ли интерес Пикассо к Еве? Преодолеет ли он эту тягу к чему-то иному, от которой никак не мог избавиться? Почему он позволил себе так увлечься ею?

Чем больше Пикассо думал о Еве, тем больше ему хотелось быть с ней.

– Подумай как следует, Пабло. Фернанда – одна из нас. Предупреждаю, наша компания едва ли примет новую женщину после всех этих лет, проведенных вместе. Если подумать, то я тоже вряд ли смогу видеть кого-нибудь другого рядом с тобой. Сейчас Фернанда может казаться несносной, но она одна из нас, *mon ami*, помни об этом.

---

²¹ Господи, помоги мне (*исп.*).

Глава 8

– Этому костюму как раз не хватало ярко-красных манжет, чтобы зрители могли следить за моими движениями без слов; именно так я буду удерживать их внимание. Марсель, как я тебе обязана! – Мистангет повернулась и драматическим жестом обняла Еву. Представление вот-вот должно было начаться.

– Кто бы мог подумать, что наша маленькая фея станет костюмером в «Мулен Руж»! – проворковала Луиза Балти, направляясь к ним через гримерную.

– Вообще-то я не придумала этот костюм, – возразила Ева, покраснев от похвал, к которым она не привыкла и которым не вполне доверяла. – Я лишь немного улучшила его.

– Скромность в Париже не приветствуется, – заявила пышнотелая комедиантка. – Все мы должны пользоваться своим положением. Ради всего святого, посмотри на меня!

– Она совершенно права, – заметила Мистангет. – Ты уже показала свои лучшие качества.

– И спасла меня: вовремя починила рваные чулки и панталоны на прошлой неделе, поэтому моя верность не знает границ, – горячо поддержала Луиза.

– Рада слышать это, – Ева улыбнулась. – Но создание одного костюма еще не делает меня настоящей портнихой. Пожалуй, рановато награждать меня высокими званиями, особенно без одобрения мадам Люто.

– Это верно. Но ты заставила всех обратить на себя внимание, так что новая должность – это лишь вопрос времени, – предсказала Луиза.

– Когда мне заглянуть за тобой, чтобы отправиться в субботний салон Гертруды Стайн? – спросила Мистангет. – Ты ведь собираешься составить мне компанию, не так ли?

Глубоко запустив руку в карман юбки, Ева прикоснулась к мешочку с трубочным табаком, который всегда носила с собой в этом новом тайнике. Теперь он казался надежным якорем, когда многое в ее жизни начало быстро меняться.

Она понимала, что будет выглядеть подозрительно, если не пойдет сейчас, после официального приглашения. К тому же, Ева просто не могла обидеть Мистангет, поэтому она испытала облегчение, когда Луи тоже попал в число приглашенных. Она боялась оказаться одна рядом с Пикассо.

Все это скоро закончится – по крайней мере, так она внушала себе, когда началось представление, хотя не могла удержаться от искушения выглянуть из-за кулис и посмотреть на столик, где обычно сидел Пикассо с друзьями. Но девушка, не увидев его на привычном месте, была смущена и разочарована. Вместо Пикассо за столиком восседала дородная седая женщина в широкополой шляпе со страусиным пером, в руке она держала раскрытый веер. Рядом с ней расположился мужчина с рыжеватой козлиной бородкой, который выглядел откровенно скучающим.

«Ну и хорошо», – решительно подумала Ева. Подглядывать за Пикассо было все равно, что играть с огнем.

Она посмотрела на номер гейши и на испанский танец Луизы, последовавший за ним. Танец оказался серьезным испытанием для комедиантки, кружившейся в яркой бахромчатой шали и черном болеро под гром аплодисментов. Как ни удивительно, но сегодня не случилось никаких мелких неприятностей, требовавших внимания Евы. Она испытывала нечто вроде облегчения, рассеянно щупая мешочек, лежавший в кармане юбки. Завтра уже суббота. Выходные подкрались незаметно, и она была вовсе не уверена, что готова к новой встрече с Пикассо. Она до сих пор не могла решить, что ей надеть.

– Тебя что-то беспокоит? – спросила Мистангет, когда Ева в антракте помогала ей снять головной убор и кимоно.

– Не знаю.

– Вы поссорились с Луи?

– Я же говорила, мы просто друзья.

– Ага, но ему хотелось бы стать для тебя более близким человеком. Это написано у него на лбу. Мальчик без ума от тебя. Но, увы, насколько я понимаю, его чувства не встречают взаимности.

Ева покачала головой.

– Я просто не хочу его обижать.

– Но сердцу-то не прикажешь.

– Луи не имеет к этому никакого отношения, – вздохнула Ева.

– Что ты наденешь завтра, когда мы отправимся в салон?

– Если серьезно, то понятия не имею, – Ева натянуто улыбнулась. – У меня нет ничего достойного для такого случая.

– Ты просто не знаешь Гертруду! Это настоящее воплощение авангардизма. Большую часть времени она расхаживает в простом черном кафтане и в сандалиях с открытыми мысками, словно монашенка. Когда познакомишься с ней, то поймешь.

– Как вы думаете, мсье и мадам Пикассо обязательно пойдут туда?

– Несомненно. Пабло был первым другом Гертруды в Париже, и без ее покровительства или горячего интереса ее брата к его картинам вполне возможно, что Пикассо сейчас стоял бы на перекрестке в Барселоне и рисовал портреты за горстку песет.

Ева очень мало знала о Гертруде Стайн, кроме того, что она была богатой американкой и пользовалась огромным влиянием в Париже. Раньше она еще не знакомилась с американцами, но время от времени видела их в городе. Ей они казались плохо воспитанными, вульгарными, с плохим вкусом. Но все говорили, что Стайны не похожи на обычных американцев. Их любовь к живописи и культуре граничила с одержимостью. Еве нравилась идея одержимости, потому что за этим стояло сильное чувство. Вопрос заключался в том, сможет ли она испытать такое чувство, которое целиком поглотит ее, – чувство, пережитое ею в ту ночь, о которой она теперь боялась вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.